

ЧЕЛОВЕК СВОБОДА РЫНОК

35 ЛЕТ ПРОГРАММЕ «500 ДНЕЙ»

ЧЕЛОВЕК СВОБОДА РЫНОК

35 ЛЕТ ПРОГРАММЕ «500 ДНЕЙ»

УДК [94+338.23](470)

ББК 63.3(2)64-2

Ч 39

На обложке и фронтисписе: Акция в поддержку политических и экономических реформ в СССР в Москве. 16 сентября 1990 года. Фото Владимира Федоренко / РИА Новости

Ч 39 ЧЕЛОВЕК. СВОБОДА. РЫНОК. 35 ЛЕТ ПРОГРАММЕ
«500 ДНЕЙ» : СБОРНИК / Сост. и ред. А. Х. Фишман,
И. А. Яковлев. — Москва : РОДП «ЯБЛОКО», 2026. — 92 с.: ил.

ISBN 978-5-4399-0096-1

В издании представлены тексты, посвященные программе «500 дней» к ее 35-летию. В основе издания — интервью Г. А. Явлинского, в котором он рассказывает о судьбе программы и ее уроках спустя тридцать пять лет.

Брошюру открывает статья «Человек. Свобода. Рынок», опубликованная авторами программы в газете «Известия» в 1990 году. Также в сборник включены два текста, созданные с помощью искусственного интеллекта: разбор основных мифов о программе «500 дней» и эссе в жанре альтернативной истории о возможном развитии России к 2025 году при реализации программы.

Издание адресовано всем, кто интересуется современной историей России.

УДК [94+338.23](470)

ББК 63.3(2)64-2

ISBN 978-5-4399-0096-1

© Явлинский Г. А., 2026

© РОДП «ЯБЛОКО», 2026

Содержание

Введение • 6

«Человек. Свобода. Рынок».

Статья из газеты «Известия», 4 сентября 1990 года • 11

«Человек, свобода, рынок: 35 лет после „500 дней“».

Интервью с Г. А. Явлинским, осень 2025 года • 29

Мифы и реальность программы Явлинского • 55

Альтернативный 2025: Россия 35 лет спустя после
программы «500 дней» • 69

Заключение • 90

ВВЕДЕНИЕ

Конец 1970-х — начало 1980-х годов вошли в историю СССР как период тяжелой стагнации — экономической и идеологической. Так называемая «эпоха застоя» длилась уже более десяти лет, замедлился рост экономики, снизились уровень и качество жизни граждан, идеи социализма оставались только в пропагандистских лозунгах и в речах членов Политбюро ЦК КПСС. Люди гибли на афганской войне — непонятно зачем и ради чего. В знак протеста против ввода советских войск в Афганистан более 60 стран бойкотировали Олимпийские игры в Москве в 1980 году. Колоссальная напряженность в международных отношениях в 1983 году привела к страшной трагедии, когда советские пограничники сбили над Сахалином южнокорейский пассажирский самолет с 269 человекаами на борту, по ошибке залетевший в воздушное пространство СССР. Когда Генеральным секретарем ЦК КПСС в 1982 году стал председатель КГБ Юрий Андропов, правила жизни в стране ужесточились — на улицах и общественных местах стали проверять документы и интересоваться местом работы. После Андропова к власти пришел тяжело больной Константин Черненко. Обстановка в стране и перспективы становились все более мрачными. Никто не мог представить себе даже отдаленные намеки на позитивные перемены. В 1984 году многим казалось, что авторитарный советский режим будет вечным.

Но в 1985 году Генеральным секретарем ЦК КПСС стал 54-летний Михаил Горбачев, и при нем коренным образом изменилась история страны. Горбачев предоставил людям свободу слова и избавил от страха. Возможно, сам того не

желая, он привел к тому, что через каких-то семь лет не было уже ни КПСС, ни СССР, ни Берлинской стены, ни всего Варшавского блока, десятки миллионов людей в восточной Европе получили свободу после падения авторитарных режимов в бывших соцстранах. Другой вопрос — как в разных странах этой свободой воспользовались.

Горбачев, похоже, искренне верил в идеи социализма и считал, что нужно только изменить устаревший подход, подавлявший свободы гражданина, и освобожденный народ сам устремится в светлое социалистическое будущее. Так, благодаря Горбачеву, у людей, наконец, появилась возможность говорить то, что они думают, без опасений преследований, избавленные от страха люди увидели другой мир, иную реальность и новые возможности. И в этих новых условиях любые разговоры о движении к социализму казались уже пережитком тяжелого советского прошлого.

Однако с приходом Горбачева и со сменой политического курса экономическая ситуация в стране еще более ухудшилась. Советская экономика продолжала стагнировать, было очевидно, что прежняя плановая модель больше не работает, требовались принципиально новые решения, которые бы модернизировали экономическую систему и заложили основу российской эффективной рыночной экономики, адаптировав ее к глобальному рынку.

В конце 1980-х годов была разработана концепция перехода от плановой экономики к рыночной — программа «500 дней». Будучи руководителем отдела экономических реформ в аппарате Совета министров СССР, Григорий Явлинский предложил план последовательного перехода от командной экономики к рыночной. Это была уникальная — и на тот момент, и, как оказалось, в будущем — комплексная программа трансформации советской экономики, проработанная буквально по шагам и содержащая долгосрочные цели. В дальнейшем план был дополнен программой интеграции советской экономики в мировую — «Согласие на шанс», которая была задумана как аналог плана Маршалла. Кроме того, был подготовлен проект Экономического договора между союзными республиками, который был призван закрепить общее экономическое

пространство и сохранить связи между республиками. Все эти три элемента — внутренняя реформа («500 дней»), внешняя интеграция («Согласие на шанс») и новая форма экономического союза (Экономический договор) — составляли единую стратегию не только преодоления кризиса, но и перехода к принципиально новой экономической системе и интеграции России в мировую экономику.

Однако, несмотря на то что содержание стратегии реформ и ее программы получили в 1990–1991 годах высокие оценки мировых ученых и экспертов, ничего из этого комплекса реализовать не удалось. Помешали не только недальновидность и политические амбиции советских и российских руководителей, но и ограниченность и полное непонимание западными политиками процессов сначала в СССР, а в дальнейшем на постсоветском пространстве. Последствия ошибок того времени мы переживаем сегодня в виде страшных трагедий.

* * *

В основе этой брошюры лежит интервью ее автора — Григория Явлинского, которое он дал Александру Фишману и Игорю Яковлеву осенью 2025 года. В нем Явлинский рассказывает о судьбе программы «500 дней» и о тех уроках, которые можно извлечь из этого опыта спустя тридцать пять лет. Брошюру открывает статья «Человек. Свобода. Рынок». Она вышла в газете «Известия» 4 сентября 1990 года — вскоре после завершения работы над текстом программы и перед ее представлением Верховному Совету СССР.

В сборник включены также два текста, сгенерированные искусственным интеллектом. Первый посвящен разбору и опровержению основных мифов о программе «500 дней», возникших за прошедшие десятилетия. Второй написан в жанре альтернативной истории. В нем предлагается представить, какой могла бы быть Россия в 2025 году, если бы программа Явлинского была принята и реализована.

Митинг на Манежной площади (тогда — площадь 50-летия Октября) в поддержку демократических реформ, 15 июля 1990 года. Фото Владимира Федоренко / РИА Новости

ЧЕЛОВЕК, СВОБОДА, РЫНОК*

О программе, разработанной группой
под руководством академика С. С. Шаталина

«ИЗВЕСТИЯ», 4 СЕНТЯБРЯ 1990 ГОДА

Эта программа могла появиться только в условиях перестройки и полностью лежит в русле политики, начатой в 1985 году. М. С. Горбачев и Б. Н. Ельцин вступили инициаторами ее подготовки. И осуществить ее можно только при их совместной поддержке.

Наше общество в результате многолетнего господства тоталитарной социально-политической системы оказалось в состоянии глубокого кризиса. Нерешительность правительства, допущенные им просчеты в экономической политике поставили страну на грань катастрофы. Жизнь людей становится все труднее, а надежды на лучшее будущее утрачиваются. Переломить ситуацию могут только хорошо продуманные и энергичные действия, поддержанные народом, опирающиеся на его солидарность и патриотизм. У нашего общества накоплен большой негативный опыт экономических реформ, с которыми люди связывают теперь лишь изменения к худшему в своей жизни. Жизнь, к сожалению, научила их с большей готовностью верить в плохое, чем в хорошее. Реализация предлагаемой программы должна опровергнуть этот печальный опыт.

Главная особенность ее состоит в том, что она ссылается на принципиально новую экономическую доктрину. Движение к рынку прежде всего за счет государства, а не за счет простых людей.

* Совместно с С. Шаталиным, Н. Петраковым, С. Алексашенко (признан Минюстом РФ иностранным агентом), А. Вавиловым, Л. Григорьевым, М. Задорновым, В. Мартыновым, В. Машицем, А. Михайловым, Б. Федоровым, Т. Ярыгиной, Е. Ясиным.

Длительный период проводилась по сути антинародная политика: богатое государство при бедном народе. Государство сконцентрировало в своих руках огромные ресурсы, практически всю собственность на средства производства. Ресурсы бездумно тратились на гигантские и неэффективные проекты, раздувание военной мощи, внешнеполитические авантюры с идеологической подоплекой, хотя все это давно нам не по средствам.

Программа ставит задачу: все, что возможно, взять у государства и отдать людям. Есть серьезные основания считать, что возвращение народу значительной части собственности и ресурсов на различных условиях обеспечит их гораздо более эффективное хозяйственное использование и позволит избежать многих негативных явлений в процессе перехода к рынку. Необходимо решительно сократить все государственные расходы, в том числе по скрытым от общества статьям.

И только тогда, когда все возможности и ресурсы, пожираемые сегодня гигантской государственной машиной, будут повернуты на нужды людей и когда они узнают об этом, только тогда руководство страны вправе обратиться к народу с призывом проявить терпение, вынести возможные тяготы во имя Родины, во имя будущего своего и своих детей. Мы также должны обратиться за помощью к другим странам. Они поддержат нас, если признают нашу программу достаточно решительной и компетентной, если будут уверены в том, что предоставленная помощь будет использована разумно и эффективно на благо людей.

Каждый человек, каждое предприятие, каждая территория или суверенная республика увидят в предлагаемой программе отклик на свои кровные интересы и получат с ее помощью возможность действовать ради реализации этих интересов сейчас же, немедленно.

В этом еще одна принципиальная особенность программы: люди должны не ждать чьих-то разрешений или указаний, а поступать в соответствии со своими интересами. Программа же показывает, как лучше и эффективнее действовать в этом направлении. Человек,

заинтересованно читающий эту программу, может определить, что выгодно для него лично, и заранее решить, когда и что следует делать, что, от кого, в каком объеме и на каких условиях требовать для реализации своих экономических прав и интересов. Никто никому не навязывает род и тип занятий, каждый сам волен выбирать, ориентируясь на свои желания и возможности: стать ли предпринимателем, наемным работником в государственных структурах или менеджером на акционерном предприятии, заняться индивидуальной трудовой деятельностью или стать членом кооператива. Реформа предоставляет гражданам права экономического самоопределения, устанавливая также правила, соблюдение которых не позволят одним (людям, группам людей, предприятиям или территориям) обеспечивать свои интересы за счет ущемления экономических прав других. Именно свобода выбора является основой личной свободы людей, фундаментом раскрытия творческого потенциала личности.

Это еще не правила будущего рыночного хозяйства — они возникнут в самом ходе формирования и развития такого общества. Экономическое содержание предлагаемой программы — переход к рынку, создание основ общества с новой экономической системой. Созданная у нас система экономических отношений и управления народнохозяйственным комплексом повинна в том, что в богатейшей стране трудолюбивый народ живет на уровне, совершенно не соответствующем богатству территории, его таланту и усилиям. Люди живут хуже, чем работают, потому, что они либо делают не то, что нужно им самим, либо то, что ими делается, теряется или не используется.

Предлагаемая программа определяет пути перехода к экономической системе, способной устранить это положение и предоставить всем гражданам реальную возможность сделать свою жизнь значительно лучше. Таким образом, программу нужно рассматривать как программу реализации прав граждан на лучшую, более достойную жизнь.

Право человека на собственность

Право на собственность реализуется посредством разгосударствления и приватизации, передачи государственного имущества гражданам. Именно в возвращении собственности народу проявится в первую очередь социальная ориентация экономики. Это не акт реванша, а восстановление социальной справедливости, форма закрепления права человека на его долю в национальном богатстве страны, как уже накопленном, так и в том, что будет создано в будущем. Приватизация, что следует подчеркнуть особо, — это и форма распределения ответственности за состояние и уровень развития общества между всеми его членами, которые пожелают на себя эту ответственность взять. Приватизация должна быть абсолютно добровольной и не напоминать коллективизацию наоборот.

Собственность в руках каждого — это гарантия стабильности общества, одно из важных условий предотвращения социальных и национальных потрясений. Человек, имеющий собственный дом и земельный участок, которые он всегда может передать или оставить своим детям, человек, владеющий акциями или иными финансовыми активами, объективно заинтересован в стабильности общества, социальном и национальном согласии. И наоборот, наш печальный опыт показывает, сколь опасным для общества, для его нормальной жизни и развития является человек, которому нечего терять.

Программа предоставляет равные шансы всем. Однако это равенство шансов не должно восприниматься как зеркальное отражение уравниловки. Для того чтобы приватизация не превратилась в способ легального и чрезмерного обогащения немногих, сама процедура должна обеспечивать участие в ней самых широких слоев: практически каждый, даже не имея первоначального значительного капитала, сможет при желании получить свою долю национального богатства. Равенство возможностей будет обеспечиваться разнообразием форм приватизации, что даст возможность либо взять имущество

в аренду, либо выкупить его в кредит, либо приобрести на паевых началах и т.д.

Принципиально важным является то, что государство не может и не должно бесплатно раздавать свое имущество. Собственность необходимо заработать, ибо в даровое имущество человек плохо верит и мало его ценит. Вместе с тем часть государственного имущества следует считать уже заработанной людьми, и оно может быть предоставлено им бесплатно или за символическую плату. Речь в первую очередь идет о давно занимаемых квартирах с минимальным метражом на человека, о небольших садовых участках и многом другом.

Немедленно вслед за этим должна начаться работа по созданию до конца года 50–60 акционерных компаний на базе крупных государственных предприятий, а также передача или продажа за символическую плату определенных (уже фактически заработанных) категорий жилья и земельных участков.

Должна быть проведена инвентаризация национального богатства страны, в первую очередь золотовалютных резервов, стратегических запасов, имущества общественных организаций, незавершенного строительства, имущества Вооруженных Сил и некоторых других видов госимущества (легковой автотранспорт, госдачи и пр.). Для этого местные Советы (районные и городские) проводят инвентаризацию нежилых помещений, а также замораживают большую часть производственныхстроек по итогам инвентаризации незавершенного строительства. Оценивается стоимость этих объектов, неустановленного оборудования, материальных запасов в строительстве. Прделанная таким образом работа позволит приступить к реализации населению, предприятиям, кооперативам части материальных запасов.

Местные Советы оценивают стоимость торговых предприятий, предприятий службы быта, местной промышленности, мелких и средних предприятий других отраслей. После проведения анализа финансового состояния этих предприятий в печати публикуются их списки с указанием сроков и условий их приватизации. Затем в условиях

полной гласности о ходе приватизации начинается продажа нежилых помещений, мелких предприятий: мастерских, магазинов, ателье, киосков. Программа нацелена на то, чтобы люди могли использовать имеющиеся у них деньги для приобретения собственности. Перенесением значительной части спроса на эти цели удастся избежать и существенного роста цен при их поэтапном «освобождении».

Одновременно местные Советы проводят инвентаризацию земли с учетом характера ее использования. Проведение этих мероприятий позволит обеспечить доступ к земле всем желающим заниматься сельским хозяйством. Параллельно идет расширение отвода земли под садово-огородные товарищества с реализацией участков за плату. При этом реализация уже отведенных участков до определенных размеров производится за умеренную плату, сверх установленных размеров — за полную рыночную стоимость.

Основная нагрузка по реализации прав граждан на собственность ложится на специально созданные органы по приватизации и комитеты по земельной реформе при областных (районных) Советах народных депутатов.

Право граждан на экономическую деятельность обеспечивается перераспределением имущества между государством и гражданами в ходе разгосударствления, а также принятием Закона о предпринимательской деятельности. Государство создаст такую хозяйственную среду, которая будет способствовать развитию инициативы и предприимчивости, максимально упростит процедуру открытия собственного дела, поможет правильно его поставить, поддерживает льготными налогами и кредитами в конкуренции с крупными предприятиями. Программа исходит из того, что мелкое предпринимательство необходимо обществу для того, чтобы повернуть производство на удовлетворение потребностей каждого конкретного человека, для борьбы с диктатом монополистов на потребительском и производственном рынках, для создания необходимых условий быстрого освоения новых научно-технических идей, к которым наиболее восприимчиво мелкое и среднее предпринимательство.

Право граждан на свободу потребительского выбора и справедливые цены

В числе прав и свобод новой экономической системы право потребительского выбора занимает не последнее место. Отечественный потребительский рынок на сегодня оказался практически полностью разрушенным, а наши потребители, то есть все мы, соответственно, бесправными. Граждане великой державы оказались заложниками пустых магазинов, практически попав под власть монополистов товаропроизводителей и монополистов товарораспределителей.

Среди многих причин такого положения в первом ряду — инфляционные, не обеспеченные товарами деньги, выплаченные населению в основном в последние несколько лет. Постоянно раздающиеся упреки в том, что у людей якобы масса «лишних» денег и их надо каким-либо образом изъять, безнравственны по своей сути. Можно ли считать «лишними» сбережения, немногим превышающие полторы тысячи рублей на душу населения? Если учесть скудное, по большей части, личное имущество граждан, то выяснится, что подавляющее большинство обладателей «лишних» денег недалеко оторвалось от порога бедности. Даже общая сумма всех денег, которые потребители готовы сегодня немедленно выложить за те или иные товары, крайне мала. Но и этого денежного противостояния не выдерживает наш потребительский рынок.

Реформа направлена на нормализацию состояния потребительского рынка путем либерализации ценообразования. А в переходный период — путем формирования товарных резервов, в том числе за счет поставок по импорту с учетом предстоящего поэтапного перехода к свободным ценам на многие виды товаров. Вводится свободный курс купли-продажи валюты, разворачивается валютный рынок. Ряд крупных банков получит право торговли валютой по рыночным ценам, а советским гражданам будет разрешено свободно хранить валюту в банках.

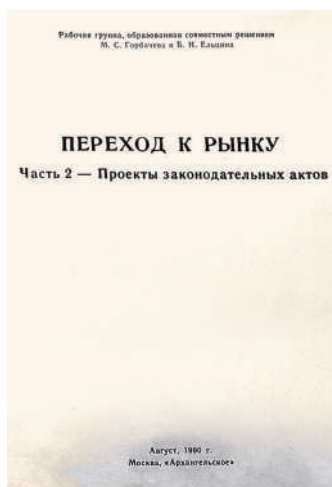
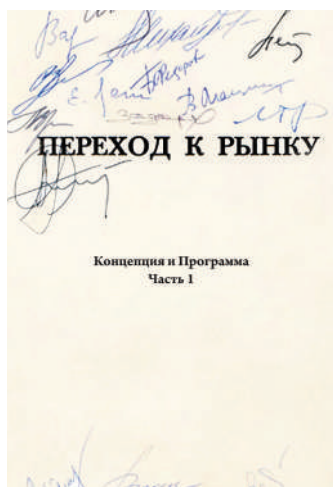
Существует мнение, что переход к рынку невозможен без административного повышения цен. Программа

Оригинальные полосы газеты «Известия» от 4 сентября 1990 года со статьями «Человек, свобода, рынок»

позволяет начать такой переход без централизованного повышения цен. Рынок знает рост и падение цен, а вот административная система, особенно в последние годы, меняет их только со знаком плюс. Мы видим по нашему пока еще безрыночному хозяйству, как дорожает жизнь, и это происходит гораздо быстрее, чем признает официальная статистика.

Почему люди должны верить, что очередные преysкуранты Госкомцен дадут справедливые или близкие к ним цены, если до сих пор у Госкомцен ни разу этого не получалось? Конечно, нет гарантии, что и свободные рыночные цены сразу же станут справедливыми, но рынок их рано или поздно устанавливает, а административный контроль и централизованное управление ими — никогда. Даже когда правительству удастся административно удерживать низкие цены на тот или иной товар (особенно из разряда дефицитных), потребителю, как правило, остается довольствоваться только сознанием того, что низкие цены где-то существуют. Товаров этих по большей части в продаже нет или они достаются привилегированным слоям населения. Большая часть покупателей давно уже

Оригинальные обложки первой печатной версии программы «500 дней» с автографами авторов. Москва: Архангельское, 1990 год

приобретает их на рынке, в том числе и на «черном», по гораздо более высоким ценам.

Переход к свободным ценам будет осуществляться поэтапно, начиная с тех товаров, которые не входят в число предметов потребления первой необходимости и приобретаются в основном слоями населения с высокими доходами. Тем самым тяжесть роста цен ляжет в первую очередь именно на них.

В соответствии с программой продукты должны быть дифференцированы по сортности. Широкая дифференциация цен на товары в зависимости от их сорта сочетается с низкими ценами на круг товаров первой необходимости. Поэтапно увеличивается доля свободных цен (по мере реализации мероприятий по финансовой стабилизации экономики). При продаже высококачественных продуктов на первых порах может взиматься специальный налог для поддержания низких цен на имеющиеся в продаже продукты массового спроса. Ни в коем случае нельзя начинать реформу с отмены государственных дотаций на мясомолочные продукты. Их следует сохранить, передав местным Советам право более справедливого распределения этой помощи.

Право граждан на рост доходов и социальные гарантии

Одним из серьезных недостатков действовавшей до сих пор системы государственного регулирования доходов и уровня жизни населения являются ее неоперативность и негибкость. Десятилетиями сохраняются неизменными многие выплаты из общественных фондов потребления, не пересматривается уровень минимальной заработной платы. В многолетних интервалах между пересмотрами они полностью утрачивают способность отвечать своему первоначальному предназначению. Более того, низкий уровень доходов больших групп населения закрепляет неразвитые нищенские потребности. Возникающие в этой сфере отрицательные процессы прикрывались разрозненными мероприятиями, смысл которых сводился к тому, чтобы сгладить уже существующие противоречия. Такая заторможенность, неспособность вовремя отреагировать на изменения реальной жизни — характерная черта действующей системы.

Рынок как очень мобильная система не только либерализует экономические процессы, но и создает механизмы, позволяющие регулировать изменения, происходящие в уровне жизни. К ним относятся индексация денежных доходов, регулярный пересмотр уровней доходов в соответствии с динамикой минимального потребительского бюджета, система социального вспомоществования лицам, оказавшимся за чертой бедности.

За переход к рынку не обязательно расплачиваться прямым замораживанием доходов, как это нередко представляют и противники, и сторонники рыночной экономики. Программа предусматривает восстановление реальной зависимости заработка от результата собственного труда с обязательным, хотя и постепенным ростом его реального наполнения. Только на этом пути можно добиться роста предпринимательской и трудовой активности, расширяющей в свою очередь возможности повышения доходов.

Все большую роль в составе доходов населения будут играть доходы от собственности: получение более

высоких, чем теперь, процентов по вкладам в банках и по облигациям государственных ценных бумаг, получение доходов от акций.

Социальная переориентация экономики невозможна без широкой структурной перестройки. Но никакая, даже самая лучшая централизованная, административно-командная экономическая система не в состоянии осуществить ее, не способна охватить и удовлетворить все потребности общества. Структурная перестройка потребует усилий и неизбежно временных жертв, но это не вина рынка, а результат его отсутствия. Однако без такой структурной перестройки в принципе невозможно добиться сколько-нибудь существенного роста уровня жизни. Конечно, закрытие и переналаживание многих производств потребует временного высвобождения, переобучения большого числа людей. Тем самым будет формироваться новая, более эффективная структура занятости, сократятся тяжелые и вредные участки производства, ручной труд. А более квалифицированные работники на новых высокоэффективных производствах будут лучше зарабатывать.

Намечаются реорганизация службы трудоустройства и введение выплат пособий тем, кто по какой-либо причине ищет новую работу. Во время поисков работы с активным участием в этом государственных служб люди могут участвовать в общественных работах: строительстве дорог, домов, причем в первую очередь для себя. Желающие смогут получить участок земли и обрабатывать его.

Планируется организация курсов и программ переобучения и переподготовки рабочих и служащих, формирование системы добровольных общественных работ. Острота проблемы занятости будет существенно сглажена созданием дополнительных рабочих мест на новых производствах, в торговле и в сфере услуг, стимулированием развития предпринимательства и мелких предприятий.

Регулирование занятости должно обеспечить не закрепленность за работником конкретного рабочего места, а создание условий для непрерывного роста квалификации и профессионального мастерства. Именно разработка такого постоянно действующего механизма и его

совершенствование в соответствии с возникающими проблемами станут ядром государственной политики занятости.

Право предприятий на свободу экономической деятельности

Экономическая свобода предприятий заключается в предоставлении им возможности действовать в интересах своих работников, собственников-акционеров и государства и в соответствии с рыночной конъюнктурой, самостоятельно определять объемы и структуру производства, объем продаж, цены на свою продукцию, выбирать партнеров.

Практически уже с самого начала осуществления программы предприятия получают возможность поменять владельца: либо путем приватизации (главным образом для мелких и средних), либо преобразованием в акционерные общества (преимущественно для средних и крупных). А значит, коллективы предприятий сразу после объявления программы могут начать подготовку и как можно менее болезненно пройти этот процесс, что в принципе отличается от нашей практики обрушивать подобные решения как снег на голову. Они смогут по своему усмотрению решить вопрос о найме высококвалифицированных управляющих по контракту.

В целях поддержания экономической стабильности сложившиеся хозяйственные связи будут, очевидно, заморожены до июля 1991 года. Однако вслед за этим предприятия получат право самостоятельно определять номенклатуру и объем производства, потребителей и поставщиков, организовать свободный сбыт продукции по всей стране.

Предприятия выйдут из системы отраслевых монополий и должны будут налаживать горизонтальные связи со своими партнерами. Они смогут также приобретать на оптовом рынке материальные ресурсы, в том числе объекты незавершенного строительства и т. п., свободно реализовывать излишки оборудования, материальных

запасов и иного имущества, сдавать в аренду свои основные фонды. Будет предоставлено право непосредственного участия во внешнеэкономической деятельности. Предприятия смогут покупать и продавать валюту на внутреннем валютном рынке.

Обретая новые права, расширяя сферу своей экономической свободы, предприятия должны учитывать, что программа предполагает для них жесткие ограничения: повышение платы за кредиты, сокращение до нуля дотаций из бюджета, резкое снижение государственных капитальных вложений, сокращение государственных закупок, иностранную конкуренцию. Осознание этих реалий поможет предприятиям лучше распорядиться обретаемой свободой.

Права республик на экономический суверенитет

Эти права обеспечиваются в соответствии с программой на основе Договора об экономическом союзе суверенных государств и ряда соглашений, его дополняющих. Предполагается также заключение соглашения о межреспубликанских поставках, о поставках для общесоюзных нужд, а также о механизмах поддержания хозяйственных связей в переходный период.

Главный тезис во взаимоотношениях республик и центра состоит в том, что никто никем не руководит и не командует. Вся программа исходит из уважения к принятым республиками декларациям о суверенитете. Экономическую реформу невозможно провести на основе распоряжений из центра, какими бы верными они ни были. Народы больше не желают терпеть положение, при котором коренные вопросы их жизни решаются в центре, без их участия. Программа учитывает стремительный рост национального самосознания, поэтому основная роль в проведении преобразований отводится республиканским правительствам и местным органам власти. Власть должна приблизиться к людям.

Григорий Явлинский на Всероссийском симпозиуме.
Нижний Новгород. 1992 год. Фото Николая Мошкова / ТАСС

Реализуя свои права на экономический суверенитет, народы получат возможность самостоятельно распоряжаться национальным богатством своих республик, не допускать бессмысленной растраты ресурсов, сохранить для следующих поколений природу, богатства недр. Республиканские правительства теперь несут ответственность за развитие своих территорий и, соответственно, берут на себя большую часть полномочий по управлению экономикой.

В республиках будут определяться уровень основных налогов, формы и способы приватизации, регулироваться цены на большинство товаров. Каждая республика сама найдет пути к земельной и жилищной реформам, их правительства выработают свою систему социальных гарантий, самостоятельно сформируют республиканские бюджеты. Союзу передаются средства на финансирование только тех программ, в которых народы действительно заинтересованы.

Республики должны определить меру своей самостоятельности в управлении экономикой и взять на себя распоряжение соответствующими видами государственной собственности. Конечная цель разграничения полномочий

Митинг в Москве. 16 сентября 1990 года.
Фото Валерия Зуфарова. Фотохроника ТАСС

по управлению государственной собственностью — не просто передача ее из ведения Союза республикам, а разгосударствление и приватизация. Многие виды имущества по договоренности всех республик должны остаться в общесоюзной собственности.

Экономическая интеграция необходима, но она должна строиться не на унитаризме и диктате центра, а на добровольности, взаимовыгодности и равноправном партнерстве. Вступая в экономический союз, суверенные республики договариваются об общих принципах экономической политики, о развитии единого рынка и согласованном проведении реформы. Органы управления союза формируются на основе паритетного представительства всех республик. Формирование этих органов планируется уже в самом начале программы. Полномочия, передаваемые союзным органам управления, согласовываются всеми республиками и закрепляются в Договоре об экономическом союзе.

Участие в экономическом союзе должно быть выгодным для суверенных республик, поэтому следует предусмотреть добровольность вступления и право свободного выхода из союза. Вместе с тем член экономического союза должен

взять на себя определенные обязательства, согласованные всеми его участниками. При отказе от выполнения этих обязательств, но при желании участвовать в некоторых социально-экономических программах союза, республика получает статус ассоциированного участника (наблюдателя), что сужает ее права в рамках союза.

Экономические права центра

Экономические права центра представляют собой сумму прав, делегированных ему суверенными республиками. В рамках этих согласованных прав центр осуществляет свои полномочия по управлению общесоюзным имуществом и фондами, экономическими программами общесоюзного значения, а также обеспечивает максимально возможную согласованность в проведении реформы.

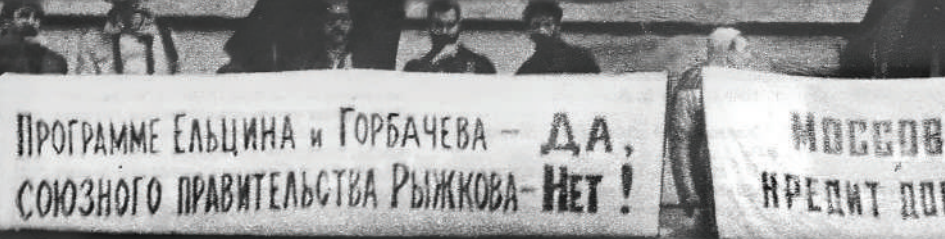
Право общества

Наше общество имеет безусловное право жить лучше уже сегодня, а не в отдаленном завтра, и предлагаемая программа перехода к рыночной экономике нацелена на возможно более полную реализацию этого права.

* * *

Рабочая группа вполне осознает, что у предлагаемой программы есть недостатки, но верит, что окончательную ее доработку осуществит уже жизнь. Ограниченный месяцем срок нашей работы, отсутствие важной информации не позволили нам сделать большего.

Мы выражаем благодарность сотням специалистов, представителям рабочих коллективов, ученым и целым научным учреждениям, оказавшим поддержку и фактическую помощь в сложной работе.

ЗА ПРАВИТЕЛЬСТВО НАРОДНОГО ДОВЕРИЯ!

Фото Анатолия БОЧНИНА

В Москве состоялись митинг и манифестация демократических сил столицы. Огромный людской поток прошел от Центрального парка культуры имени Горького до Манежной площади. На площади перед собравшимися — их было свыше 150 тысяч человек — выступили народные депутаты. Они потребовали отставки кабинета Николая Рыжкова и формирования правительства народного доверия.

ЧЕЛОВЕК, СВОБОДА, РЫНОК: 35 ЛЕТ ПОСЛЕ «500 ДНЕЙ»

Интервью с Григорием Явлинским

ОСЕНЬ 2025 ГОДА

Григорий Алексеевич, в чем заключалась главная идея программы «500 дней»?

Григорий Явлинский. По сути, появление частной собственности как фундамента экономики — это принципиальное изменение всей политической системы. Главная идея заключалась в том, как от распадающейся плановой экономики перейти к эффективной рыночной системе. Смысл был в разработке профессиональной программы перехода — шаг за шагом, без обвала, с сохранением управляемости всем процессом, а главное — без трагических потерь в жизни большинства граждан. Речь шла о наделении очень значительного числа граждан реальной частной собственностью, о максимальной поддержке личной предпринимательской инициативы, о создании конкурентной среды, о принципиально новом материальном и ресурсном обеспечении, о построении принципиально новой банковской и финансовой системы, о постепенном прекращении вмешательства в экономику бюрократии, партии и государственного аппарата. Была разработана специальная система мер, чтобы избежать экономического и социального шока. Реформы предполагались очень глубокие и радикальные, и потому перспектива профессионально просматривалась примерно на полтора года, поэтому план назывался сначала «400 дней», а потом, с легкой руки Ельцина, «500 дней». В ходе реализации этой программы предполагалось подготовить следующий этап продвижения к современной эффективной экономике.

Григорий Явлинский. 1989 год.
Фото журнала «Огонек»

Название «500 дней» со временем стало нарицательным — теперь всякий раз, когда речь идет о планах с конкретным временным горизонтом, вспоминают именно вашу программу.

Как родилась идея придать реформе временное измерение — расписать ее шаг за шагом, день за днем?

Григорий Явлинский. Сначала я структурировал программу по экономическим блокам — что нужно сделать в финансах, материально-техническом обеспечении, ценообразовании и т.д. В конце 1989-го — начале 1990-го года я передал этот документ [председателю Совета министров СССР] Николаю Ивановичу Рыжкову. Он представил его на совещании у [генерального секретаря ЦК КПСС Михаила] Горбачева. Советники Горбачева — Петраков, Шаталин и другие — встретили программу в штыки

и раскритиковали. Николай Рыжков болезненно воспринял критику экспертов.

После этого я очень внимательно изучил все замечания, проанализировал аргументы и реакцию. Мне стало ясно, что критика носит по сути в основном политический, а не профессионально экономический характер. Кроме того, на заседаниях Совета министров у Рыжкова, где обсуждались экономические реформы, я видел, что министры и Госплан просто не понимали, с чего начать. Тогда мне пришла в голову идея: нужно расписать переход во времени — условно говоря, по дням. Сегодня — делаем это, завтра — то. Минфин отвечает за это, другие министерства — за свое, Госбанк — за третье, и так далее. Потом следующие шаги и даже альтернативные варианты, если что-то не удастся. Таких программ раньше никогда не было. Это была серьезная и сложная работа. Со мной работали молодые экономисты Алексей Михайлов и Михаил Задорнов, профессор Евгений Ясин и высококвалифицированный, опытный эксперт Виктор Кущенко. К лету 1990 года удалось заново систематизировать и оформить программу.

А когда, по вашему замыслу, должна была завершиться трансформация плановой экономики в рыночную?

Григорий Явлинский. Первые полтора года были рассчитаны на то, чтобы запустить сам переход. Это был период формирования новых правил и институтов. Полная же трансформация заняла бы больше времени — возможно, еще несколько лет. Трудно сказать конкретнее. Только тогда могла бы сложиться полноценная эффективная рыночная система. Но именно в первые 500 дней предполагалось создать механизмы, которые позволили бы пройти начальный этап без катастроф и трагических потрясений — без резкого роста цен (гиперинфляции), без массовой безработицы и падения уровня жизни.

У правительства Рыжкова тоже была своя программа — «Основные направления перевода экономики СССР на рыночные отношения». Чем ее подход отличался от вашего?

Григорий Явлинский. Это была модификация планового подхода: командное управление экономикой с помощью Госплана, Госснаба, но при этом с расширением сферы кооперативов. Программы Рыжкова и [академика, члена Президентского совета СССР Евгения] Примакова исходили из сохранения плановой системы, максимум — допускали ее модернизацию. Даже в 1991 году, когда все уже рушилось, других комплексных программ не появилось. Были отдельные меры и предложения, но единого документа, описывающего сам переход, просто не существовало. По сути, ни о каких реальных альтернативах глубокого, структурного и необратимого перехода от советской плановой экономики к рыночной экономике, кроме программы «500 дней», мне неизвестно до сих пор.

Все эти функционеры — Рыжков, советники Горбачева, академики — люди неглупые. Они ведь видели, что плановая экономика себя исчерпала. Как они могли всерьез рассчитывать на ее реанимацию?

Григорий Явлинский. Видеть они видели, а что делать по сути не знали. Уходить с постов не хотели. В этом и была коллизия. Вокруг Горбачева были в основном талантливые научные работники — теоретики. А я знал, как эта «машина» устроена на практике. Я работал заведующим отдела экономических реформ Совета министров СССР, видел реальное функционирование экономики и «сверху», и изнутри. До этого работал экономистом на химическом комбинате, на угольных шахтах и разрезах, потом в Госкомтруде. Поэтому я понимал, как все устроено — и не по книгам, а из личного опыта.

У Рыжкова был другой опыт. Он был директором крупного машиностроительного, по сути оборонного завода, и его мышление оставалось соответствующим. Представления о переходе к рыночным отношениям у него не было.

Но состояние плановой экономики все же не могло не вызывать у них тревоги?

Николай Рыжков, председатель Совета министров СССР (1985–1991)

Евгений Примаков, председатель Совета Союза Верховного Совета СССР (1989–1991)

Леонид Абалкин, заместитель председателя Совета министров СССР (1989–1990)

Григорий Явлинский. Конечно, вызывало. Но их предложения о решении проблем сводились к понятным и привычным им схемам: поднять оптовые цены, взять кредиты на Западе, чтобы купить нужное оборудование, заставить Госснаб и Госплан работать точнее, конкретнее и жестче...

Акция в поддержку политических и экономических реформ в СССР. Москва, 16 сентября 1990 года. Фото Вл. Федоренко / РИА Новости

Рыжков исходил из того, что часть предприятий — например, те, что производят товары народного потребления — шьют одежду или обувь, — можно пустить на условные рыночные рельсы. А вот все стратегическое — тепловозы, самолеты, атомные суда, танки, ракеты — по-прежнему должно оставаться в рамках плановой экономики.

Но перевести все это в рыночную систему, чтобы она не рухнула, чтобы производство не остановилось, чтобы люди продолжали получать зарплату, чтобы с ценами не случился коллапс, чтобы было что есть — вот это уже требовало совершенно иного подхода.

А разве раньше, еще при Андропове, не было попыток придумать, как реформировать плановую экономику?

Григорий Явлинский. Нет. При Андропове такая задача в принципе не ставилась. При нем стали говорить о проблемах, но не о выходе из ситуации. Концепция плановой экономики не ставилась под сомнение. Хотя в Госплане были люди, которые думали по-другому. Один

Митинг в Туле.
1990 год

из них, мой друг, делился со мной разработками своих коллег. Это были секретные материалы, к ним почти никто не имел доступа. Я их внимательно изучал, и это очень помогало мне при разработке собственной программы.

Когда я стал заведующим отделом экономических реформ в Совете министров СССР, я получил прямой доступ ко всем документам, я работал напрямую с премьер-министром и его первым заместителем Леонидом Абалкиным. Все отраслевые министры приходили ко мне, я им ставил задачи, получал от них ответы. Со мной разговаривали премьеры всех союзных республик. Это уже была не академическая работа, а живая экономика. Я тогда работал по двадцать часов в сутки.

Идея программы перестройки плановой экономики в рыночную у меня появилась еще раньше, когда я работал в НИИ труда — из-за этого у меня тогда начались неприятности с руководством Госкомтруда СССР (см. биографию Григория Явлинского «Программу можно украсть, биографию не украдешь»). Потом я стал прорабатывать идеи на практике и подготовил для Рыжкова программу. Ее раскритиковали, но я не отказался

Григорий Явлинский.

Сентябрь 1990 года.

Фото В. Чистякова / РИА Новости

и переделал программу в структурный план, развернутый во времени.

Расскажите, как программа попала к Ельцину?

Григорий Явлинский. В мае 1990 года мне звонит [член Государственной комиссии Совета министров СССР по экономической реформе] Евгений Григорьевич Ясин. «Ты слышал, что Ельцин на съезде сказал о программе „500 дней“? Это твоя, что ли, программа?» Я не слышал. Посмотрел по телевизору — действительно сложилось такое впечатление. На следующий день я поехал в Кремль, где шел съезд народных депутатов РСФСР, и стал выяснять, как программа попала к Борису Николаевичу Ельцину.

Выяснилось — ее украли. Я узнал кому конкретно ее передали — [народному депутату СССР Михаилу] Бочарову. Сотрудник Совмина передал ему, а он представил Ельцину программу как свою, потому что хотел стать премьер-министром РСФСР.

Я нашел Бочарова и спросил: «Что вы делаете? Это же не ваша программа?». Он смутился и сказал: «Поговорите об этом с Борисом Николаевичем».

Председатель Верховного Совета РСФСР Борис Ельцин
и Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев.
25 декабря 1990 года

На следующее утро, в семь утра, я впервые лично встретился с Ельциным в Белом доме. Я пришел с Евгением Ясиным. Говорю: «Это моя программа. Она для Советского Союза, а не для РСФСР. Здесь не важно — 400 или 500 дней. Важно, что она разработана для Союза».

Борис Николаевич ответил: «Меня это не интересует. Сделайте так, чтобы она подходила для России». Я говорю: «Но...». «Ничего не буду слушать, — продолжает Ельцин. — Сделайте так, чтобы это была программа реформ для РСФСР и подходила мне». Мы вышли с Ясиным из кабинета. Он поехал в университет читать лекции, а я остался со всей этой штукой и стал думать, что можно сделать в новой ситуации.

Через несколько дней Ельцин предложил мне должность заместителя председателя Совмина России.

Для вас это предложение Ельцина было привлекательным?

Григорий Явлинский. Совершенно неожиданным, но, конечно, интересным. Я помню, как всю ночь не спал, ходил вокруг дома и принимал решение — готов ли я перейти на ту сторону и взять на себя такую ответственность.

Что вы тогда думали о Ельцине и его борьбе с Михаилом Горбачевым?

Григорий Явлинский. Я воспринимал это как переход от советской системы к демократии.

А это не выглядело так, что Ельцин просто реализовывал свои амбиции?

Григорий Явлинский. Отчасти выглядело. Но все равно это был грандиозный контекст прихода демократии вместо тоталитарной системы. Что из себя представляет Ельцин в личном плане, чего он пытается добиться персонально — это был другой для меня вопрос. У меня не было какого-то очарования им... Ничего такого не было. Но было серьезное уважение к нему, был интерес к теме грандиозного перехода к другой системе.

А того, что в процессе этой борьбы все могло так катастрофически развалиться, вы не боялись?

Григорий Явлинский. Риски были, но надо было двигаться вперед. В существовавшей тогда системе у Горбачева ничего не работало. Появилась надежда, что Россия и Ельцин могут проложить дорогу в будущее.

Вы чувствовали тогда, что Союз развалится?

Григорий Явлинский. Нет, это был 1990 год. Я стал зампредом российского правительства с программой, которая касалась всего Советского Союза. Но Ельцин хотел, чтобы это была программа РСФСР. А это сделать было невозможно, потому что у России, как республики, не было никаких экономических возможностей и полномочий, все они были только у союзного центра. И я сумел убедить Ельцина, чтобы он предложил Горбачеву сделать программу реформ совместным проектом России и Союза. Ельцин обратился к Горбачеву. Горбачев согласился и назначил своего представителя, [члена Государственной комиссии

Группа разработчиков программы «500 дней» (слева направо): Михаил Задорнов, Алексей Михайлов, Владимир Машиц, Леонид Григорьев, Сергей Алексашенко (признан Минюстом РФ иностранным агентом), Борис Федоров, Григорий Явлинский, Андрей Вавилов

по экономической реформе] академика [Станислава Сергеевича] Шаталина, соруководителем группы по разработке совместной программы. Таким образом, Шаталин стал неким символом разработки союзной программы.

Была создана целая группа, в которую от Горбачева помимо Шаталина вошел также помощник президента СССР по экономике Николай Петраков. От Ельцина работой официально руководил я. Была сформирована команда разработчиков — туда вошли Алексей Михайлов, Михаил Задорнов, Борис Федоров, Евгений Ясин, Виктор Кущенко, Леонид Григорьев и другие специалисты — квалифицированные, а главное — творческие и свободные профессионалы. Началась конкретная работа. Теперь мы разрабатывали уже на основе концепции полноценную программу и пакет проектов законов — союзных и республиканских. К 1 сентября 1990 года мы закончили разработку. Тогда программу «500 дней» я доложил Верховному Совету СССР — и ее отвергли по указанию Примакова и при согласии Горбачева.

Но ведь Горбачев поддерживал идею и делегировал своего представителя в рабочую группу?

Григорий Явлинский. С ним такое бывало. Он менял мнение. Видимо, на него надавили Рыжков, Абалкин, Примаков, руководители союзных спецслужб: «Нужно действовать по-другому, нужно давить Ельцина, нужно задвинуть РСФСР». Ведь между Горбачевым и Ельциным была конкуренция.

Политика перевесила экономику?

Григорий Явлинский. Конечно. Это была политика уходящего КПСС: они пытались задушить рыночную демократическую программу. А в ответ на это через неделю, в середине сентября 1990 года, Ельцин, как председатель, на заседании Верховного Совета РСФСР заявил: «Это программа Шаталина — Явлинского (с ударением на мою фамилию), ее необходимо принять». Программу обсуждали несколько дней и в итоге почти единогласно приняли.

Это тоже была политическая акция?

Григорий Явлинский. Конечно!

То есть практического значения для реализации программы это не имело?

Григорий Явлинский. В контексте союзной экономики — почти нет. Это была политическая борьба.

А в какой момент стало окончательно ясно, что «500 дней» как союзная программа не будет реализована?

Григорий Явлинский. Довольно скоро. После того как программа была принята Верховным Советом России, меня пригласили в Вашингтон на конференцию Всемирного банка и МВФ, чтобы я представил эту программу. Ее перевели на английский и четыре дня я докладывал и отвечал на вопросы. Это было обсуждение с участием ведущих мировых экспертов, ученых, специалистов МВФ и Всемирного банка, чиновников финансовой и экономической сферы ведущих

стран мира... Программу поддержали. Ее одобрил самый авторитетный для меня в то время человек — [профессор Гарвардского университета, президент Европейской экономической ассоциации] Янош Корнай. На банкете он сказал, что это лучшая программа перехода от плановой экономики к рыночной в Восточной Европе. Для меня это было очень важно.

Это давало дополнительные шансы на реализацию программу на родине? Какое значение имела международная площадка?

Григорий Явлинский. Для реализации — никакого. Интеллектуально-научное — колоссальное. Мировая научно-практическая общественность признала, что программа профессиональная и качественная. После такого одобрения в Вашингтоне программу начали везде публиковать.

А на следующий день после завершения презентации мне предложил встретиться американский сенатор [Роберт] Доул. Мы встретились, и сенатор сказал: «Я вас поздравляю. Я тут наблюдал, как обсуждается ваша программа. Но я должен сказать вам, что несколько дней назад я встречался в Москве с Борисом Ельциным. Он спросил меня: «Вот программа „500 дней“, принятая Верховным Советом России, — хорошая программа?». Я дал положительную оценку. А дальше он спросил: «А это опасно — реализовывать эту программу?». «Ну я ответил ему, — сказал сенатор Доул, — что эта программа очень существенных принципиальных реформ, поэтому это всегда несет определенные риски. И тогда Борис Ельцин сказал мне: “Я не буду ее реализовывать, потому что в следующем году у меня президентские выборы”. Учтите это», — сказал мне сенатор Доул».

Когда я вернулся в Москву, то мне стало ясно, что Ельцин принимает решения, не имеющие ничего общего с программой, что принимаются популистские решения, направляющие все в совсем другую сторону. Я спросил у Ельцина: «Борис Николаевич, ну как же так? Вы реализуете

совсем другие решения...». А он сказал: «Не переживайте, Григорий Алексеевич, мы потом вернем все обратно».

Я был намерен разработать на базе большой союзной программы — российскую, в контексте возможностей РСФСР, и добиваться союзных решений. Смысл был в том, чтобы Россия вынудила Союз реформироваться и проводить реальные полномасштабные рыночные реформы. Но Ельцин начал активно действовать в другом направлении с целью отделения России от Союза.

В отсутствии собственных рычагов управления экономикой в рамках РСФСР такой подход повел экономику к хаосу. Тогда я подал в отставку и ушел из российского правительства.

Если пофантазировать: что было бы в экономике РСФСР, если бы Ельцин вас послушал?

Григорий Явлинский. Фантазии и есть лишь фантазии. Но все же можно, например, попробовать представить, что было бы, если бы в стране начала появляться реальная частная собственность, малые и средние предприятия, принадлежащие людям, желающим и умеющим работать, создавать бизнес, а таких было очень много... Мы бы дали им возможность заниматься реальной частной экономикой. Это было бы колоссальное послание для всего Союза. И ведь на самом деле — со всей страны, из всех республик мне присылали предложения как все это сделать, многие люди очень этого хотели.

В ноябре 1990-го вы уходите от Ельцина. Как это повлияло на ваши отношения? Как отреагировал на вашу отставку Горбачев?

Григорий Явлинский. Ельцин и [председатель Совета министров РСФСР Иван] Силаев уговаривали меня не уходить. Но я ушел, потому что они отказались реализовывать программу, в которую я верил. После увольнения меня приглашает к себе Горбачев и предлагает любую должность у себя в аппарате. Я говорю: «Спасибо, но нет». Он

настаивает жестко: «Пойдешь». Я ему: «Вы выступаете за свободу, но заставляете меня принять неприемлемое для меня назначение?». Горбачев: «Это разные вещи. Будешь делать то, что я говорю». «Нет», — говорю я. На этом мы расстались... Горбачев предлагал должность в аппарате президента СССР — экономического советника, или какую угодно другую, лишь бы продемонстрировать, что я ушел от Ельцина и пришел к нему. Но я отказался: «Ельцин не делает что надо, на мой взгляд, но и вы, Михаил Сергеевич, тоже не делаете».

Недавно вы признались, что жалеете, что передали «500 дней» Горбачеву и Ельцину. Что тогда действовали как экономист, а следовало — как политик: собрать вокруг программы политическую силу и вместе с ней добиваться ее реализации. Но были ли у вас тогда вообще объективные возможности заняться политикой?

Григорий Явлинский. Нет не было. Я не был политиком и к реальной самостоятельной политической деятельности был совершенно не готов. Я сейчас это говорю потому, что опыт подсказывает мне, что при инициативах и реформах такого масштаба существует абсолютная необходимость построения реальной самостоятельной политической силы. Иначе ничего не получится. Это не тот случай, когда можно кому-то передавать предложения, приходить с прошениями и протянутой рукой.

В начале 1991 года вы начали разрабатывать «Согласие на шанс» — программу интеграции советской экономики в мировую систему, по аналогии с планом Маршалла для послевоенной Европы.

Григорий Явлинский. Экономическая ситуация в стране быстро ухудшалась. В начале 1991 года стало ясно: сами по себе мы уже не перестроимся — нужна международная поддержка реформ. Тогда я стал искать решение, как избежать катастрофы. И понял: нужен новый «план Маршалла».

Грэм Аллисон и Григорий Явлинский представляют программу «Согласие на шанс» (Grand Bargain) в Гарвардском университете, John Kennedy School of Government, май 1991 года

Когда Горбачев узнал о том, чем я занят, он в феврале 1991 года в телефонном разговоре с президентом США Бушем-старшим сказал ему: «У меня есть эксперт Явлинский, он был в Вашингтоне в октябре прошлого года и докладывал на сессии МВФ программу „500 дней“, он сейчас разрабатывает проект типа „плана Маршалла“. Может, имеет смысл, чтобы ваши специалисты с ним вместе поработали». Буш горячо согласился. И меня пригласили поработать над программой в Гарвардский университет.

Я назвал программу «Согласие на шанс» (американцы называли ее “Grand Bargain”). Это была еще одна важная составляющая концепции рыночных реформ. Эта программа исходила из того, что наша страна, как современная рыночная экономика, объективно становится частью мировой экономики. На входе во всемирную экономическую систему для нас открываются возможности поставок на льготных условиях, предоставляются кредиты, поступают определенные средства, с помощью которых создаются такие виды производств и такая продукция, которая интересна западным странам.

Английское и немецкое издания
программы «500 дней»: New York: St. Martin's Press, 1991.
Düsseldorf: WirtschaftsWoche, 1991

Ведь в чем была суть плана Маршалла, если совсем просто и примитивно? Одна страна выпускает продукцию, которую покупает другая за счет субсидий и займов, предоставленных в рамках плана помощи. То есть выделяются средства: чтобы одни могли произвести, а другие — купить, и наоборот. И все начинает крутиться. Этот план также включает требования к странам-участницам способствовать развитию свободного предпринимательства, снижению таможенных пошлин и сотрудничеству в торговле. Вот примерно такой план предполагался и для России.

А как эта программа соотносилась с «500 днями», с переходом плановой экономики к рыночной?

Григорий Явлинский. «500 дней» — это внутренние реформы, а «Согласие на шанс» — внешние возможности выхода на мировой рынок. Программы не противоречили, а дополняли друг друга.

Над «Согласием на шанс» я работал пять месяцев в Гарварде вместе с ведущими американскими экономистами.

В конце мая я представил программу президенту Бушу. А когда вернулся в Москву, подробно обсуждал ее и с Горбачевым, и с Ельциным, и представил лидерам союзных республик как возможный путь выхода из политического и экономического кризиса.

Потом я получил возможность лично встретиться с руководителями Германии, Франции, Италии и Великобритании. Предполагалось, что в середине июля 1991 года Горбачев приедет с этой программой на саммит «Большой семерки» в Лондоне, а я буду его сопровождать. Однако в последний момент Горбачев изменил свое решение и отправился в Лондон с другим документом — программой, подготовленной Абалкиным и [ректором Академии народного хозяйства при Совете министров СССР Абелом] Аганбегяном. Эта программа вызвала разочарование в Лондоне и не получила поддержки со стороны «семерки».

Но это только часть истории. Недавно был опубликован рассекреченный протокол заседания Совета национальной безопасности США от 3 июня 1991 года, посвященного обсуждению «Согласия на шанс». Выяснилось, что ключевые руководители администрации США в целом положительно оценили мою программу с экономической точки зрения и выделяли ее среди других предложений, однако политически решили ее не поддерживать, поскольку преследовали иные геополитические цели. Как заявил тогда на совещании министр финансов США Николас Брейди, близкий соратник президента Буша-старшего: «Наша цель — превратить их в третьестепенную державу».

Впервые я смог прочитать этот рассекреченный протокол заседания Совбеза США только в этом году, и теперь я думаю, что руководство СССР отвергло программу «Согласие на шанс» под активным влиянием и манипулированием со стороны администрации США...

А через месяц после того лондонского саммита «семерки» в Москве произошел путч. С тех пор Горбачев был по существу уже отстранен от власти, а в декабре 1991 года Советский Союз прекратил существование.

После путча вы были назначены заместителем руководителя Комитета по оперативному управлению СССР — в ранге вице-преьера — и параллельно занимались разработкой экономического договора, который в октябре 1991 года в том или ином виде подписали 13 из 15 республик. Если бы не Беловежская пуща, могли бы эти договоренности иметь перспективу? Как тогда выглядел бы распад СССР? Был ли он неизбежен — и как скоро мог произойти?

Григорий Явлинский. К этому уже шло. Республики декларировали свою независимость. Однако экономический союз был еще возможен. Могу сказать, на что я рассчитывал: «Согласие на шанс» должно было заинтересовать все республики иметь общую экономику, а программа «500 дней» показывала, как трансформироваться.

У бывших союзных республик могли бы быть свои правительства, но экономика была бы общей. И рубль был бы общей валютой — как стало евро в Европе в конце 1990-х. И мы могли бы сделать свой общий рынок даже раньше, чем Евросоюз, потому что экономики России, Украины, Белоруссии и других республик были уже взаимосвязаны. С этой целью нами был разработан, а в октябре 1991 года подписан значительным числом бывших союзных республик «Договор об экономическом сотрудничестве между независимыми государствами».

Как Запад влиял на эти процессы?

Григорий Явлинский. К тому времени Вашингтон уже делал все, чтобы экономическая интеграция бывших союзных республик с Россией не состоялась. Влияние оказывали сами Соединенные Штаты и МВФ. В октябре 1991 года я был в Бангкоке: возглавлял делегацию, которая представляла СССР и Россию на заседании МВФ и Всемирного банка. В один из дней поздно вечером меня пригласил на встречу министр финансов США Николас Брейди. Мы проговорили почти всю ночь. Брейди расспрашивал меня о российской экономике и ее перспективах. И когда мы расставались, он сказал мне: «Учитите, США делают

Акция в поддержку политических и экономических реформ в СССР. Москва, 16 сентября 1990 года. Фото Вл. Федоренко / РИА Новости

только то, что понимают, и то, что нам выгодно. Мы не понимаем, что у вас происходит и что будет, а потому будем делать то, что считаем выгодным для себя».

То есть им было выгодно ослабить геополитического противника? Ведь это же тот же Брейди примерно об этом же говорил в июне 1991-го на заседании Совета нацбезопасности США, где обсуждалась ваша программа?

Григорий Явлинский. Конечно. Хотя из рассекреченного протокола видно, что они даже не подозревали, что СССР развалится. Хотели, чтобы не было оборонного комплекса и тому подобного, но что страна распадется на части — не представляли. То, что СССР развалится, стало ясно только после путча — осенью 1991 года. Поэтому так важно было подписать экономический договор между республиками.

Тогда американцы начали делать валютные системы для каждой республики, чтобы все окончательно развалилось. Говорили: «Мы вам сделаем валюту, мы вам все сделаем,

Григорий Явлинский на Федеральном совете партии «ЯБЛОКО». Москва, 2024 год

только отсоединяйтесь. Будете иметь свою отдельную экономику».

Но экономика — это не только валюта. Это еще цепочки поставок, производственные связи, наличие предприятий. Лидеры республик это не очень понимали. Это же номенклатура КПСС. Они знали, что у них лично — у семьи, у «корешей» — все будет хорошо. А что будет с народом — да плевать. Главное — лично мы богатые, могущественные и бесконтрольные.

И все-таки, если бы экономический договор удалось сохранить, могли бы экономические связи стать препятствием пересмотру границ и развязыванию войн на постсоветском пространстве?

Григорий Явлинский. Весьма вероятно. Когда общая валюта, когда экономики связаны и реально зависят друг от друга, когда все могут говорить на одном языке и имеют во многом общую историю — это существенные основания для глубокого и всестороннего взаимопонимания.

Экономический союз — важное условие недопущения военных конфликтов.

В конце 1980-х программа «500 дней» (а точнее идеи, которые легли в ее основу) казались утопией. Но уже через несколько лет они стали самым реалистичным планом действий. Сегодня ваша концепция Большой Европы тоже может восприниматься как утопия. Верите ли вы, что Киев и Москва в обозримом будущем смогут стать частью общего европейского пространства?

Григорий Явлинский. Сложный вопрос. Вынужден повторить: мы сейчас находимся в состоянии нарастающего политического хаоса. Завершилась восьмидесятилетняя эпоха, основанная на политическом мировом устройстве, сложившемся после Второй мировой войны. Сегодня многие ведущие политики говорят о неопределенности перспективы и непредсказуемости дальнейшего развития событий. Как показывает история, выход из такого положения возможен либо через установление диктатуры (локальной или глобальной) — приход к власти некоего нового фюрера (что для меня, безусловно, неприемлемо), либо через формирование образа будущего — ясной перспективы. Именно понимание того, куда нужно идти, дает шанс на преодоление хаоса.

Концепция Большой Европы от Лиссабона до Владивостока с главными общими ценностями — жизнь, свобода, права человека, его творчество — это то, что является единственным выходом из сложившейся ситуации. И как раз в этом случае, в рамках реализации этой концепции, Киев и Москва в обозримом будущем смогут стать частью общего европейского пространства. Речь идет примерно о 2050 году. А другого выхода из современного хаоса, похоже, и нет.

Какие уроки из истории программы «500 дней» спустя 35 лет можно извлечь?

Григорий Явлинский. Первый урок. Даже в самые сложные, мрачные, безнадежные времена окно возможностей все

равно открывается. В начале 1980-х годов представить, что начнутся реформы и перемены, было невозможно: шла война в Афганистане, Советский Союз сбил южнокорейский пассажирский самолет, полный людей, страну возглавил председатель КГБ, на улицах у людей проверяли паспорта — почему не на работе. И все же окно открылось. К этому нужно быть готовым.

А как узнать, что оно открылось? Когда главным смыслом политики становится задача практической реализации идеи сохранения и развития Человека, его жизнь и свобода, его достоинство и творчество, когда светлое будущее человека становится содержанием и основной целью государственной политики и общественной жизни — тогда и открывается окно. Ведь что сделал Горбачев? Он дал людям свободу. За публично произнесенные слова, за вслух высказанные мысли больше не расстреливали, не сажали, не увольняли с работы и даже не исключали из партии. Именно благодаря этому в начале сентября 1990 года в «Известиях» вышла статья-декларация о «500 днях», которая так и называлась — «Человек. Свобода. Рынок», статья об экономической программе создания в нашей стране системы, реализующей на практике эти ценности. Вот в чем была и есть главная суть.

Второе. Из собственного опыта скажу: я одиннадцать раз объехал всю страну, участвуя в выборах. Разговаривал в самых разных форматах с самыми разными людьми — и с несколькими слушателями в маленьких залах, и с тысячными аудиториями. Я абсолютно убежден, что нашим людям можно по-настоящему верить и на них необходимо опираться.

Третий урок. Экономической программы недостаточно. Нужна политика. Какая бы замечательная ни была программа, если просто отдать ее кому-то на исполнение — ничего не выйдет. Программа — это как ноты, но без музыкального инструмента. Инструментом является политика. Сыграна может быть любая мелодия — это уже зависит от того, какие ноты. Но ноты без инструмента не работают. Если вы отдаете свою программу тому, кто не умеет играть, не имеет музыкального слуха, — ничего не

получится. Поэтому нужна политическая партия будущего. Поэтому мы и сохраняем сегодня «ЯБЛОКО» изо всех сил — чтобы был инструмент, способный сыграть правильную музыку в нужный момент.

И, наконец, четвертое. Не принимайте решения, руководствуясь соображениями иностранных политиков. Да, нужно внимательно слушать зарубежных специалистов, ученых, но решения нужно принимать самим. Со всеми странами нужно стараться быть в хороших отношениях, но действовать надо исключительно в соответствии со своими представлениями о том, что нужно делать в своей стране. Это как в жизни: с соседями надо жить в мире и дружбе, но свою семью строить самим.

Митинг на Манежной площади (тогда — площадь 50-летия Октября) в поддержку демократических реформ, 15 июля 1990 года. Фото Александра Макарова / РИА Новости

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ ПРОГРАММЫ ЯВЛИНСКОГО

ЗА ПРОШЕДШИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ВОКРУГ «500 ДНЕЙ» ВОЗНИКЛО МНОЖЕСТВО МИФОВ И ИСКАЖЕННЫХ ТРАКТОВОК. С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (СНАТГРТ) СОБРАНЫ САМЫЕ РАСПРОСТРАНЕННЫЕ МИФЫ И ПОКАЗАНО, ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ ПРЕДСТАВЛЯЛА СОБОЙ ПРОГРАММА ЯВЛИНСКОГО.

Миф 1: «Через 500 дней будем жить как в Швейцарии»

Суть мифа

Широко бытовало убеждение, будто план «500 дней» обещал уже через полтора года обеспечить советским гражданам уровень жизни, сравнимый со швейцарским. Про эту легенду сами авторы программы вспоминали как о наиболее фантастическом и неверном толковании их идей [3]. Часто можно услышать фразу, что якобы «программа гарантировала жизнь как в Швейцарии через 500 дней», ставшую символом завышенных ожиданий от реформ.

Почему это заблуждение

В действительности ни в тексте программы, ни в заявлениях ее разработчиков не было обещаний молниеносного достижения западного процветания. Авторы неоднократно поясняли, что их план не обещал за 500 дней райской жизни — его задачей была лишь подготовка страны к последовательному переходу от плановой экономики к рыночной [4].

Как отмечает один из авторов, Леонид Григорьев, «Программу “500 дней” надо читать: там же не сказано, что трансформация общества произойдет за 500 дней» [5]. Речь шла о переломном этапе за 500 дней — создании базовой

инфраструктуры рынка, стабилизации экономики и начале подъема, а не о полном превращении СССР в богатую капиталистическую страну за этот срок [6]. Название финальной фазы программы — «Начало подъема» — вероятно, ввело некоторых в заблуждение, хотя подразумевалась лишь стабилизация и завершение основных реформ, а не мгновенный расцвет экономики [7].

Таким образом, миф о «швейцарской жизни» является искажением сути программы: она предполагала тяжелую работу по реформам, а не чудо-превращение уровня жизни.

Как возник миф

Легенда про «Швейцарию за 500 дней» появилась во многом из политической борьбы и упрощенного восприятия. Оппоненты реформ воспользовались броским названием программы и завышенными ожиданиями общества, чтобы выставить план утопичным обещанием «рая» за полтора года. Масла в огонь подливало и то, что в 4-й (последней) фазе плана действительно упоминался «начальный подъем» экономики — многие восприняли это как гарантию быстрого благополучия [7].

В постсоветские годы, на фоне разочарований 90-х, этот миф ретроспективно подкреплялся ностальгией: раз программа не была реализована, в массовом сознании она обрела ореол идеального, хоть и воображаемого, сценария быстрого процветания. Журналисты отмечают, что неосуществленные реформы часто порождают вокруг себя идеализированный миф [2] — так случилось и с «500 днями».

Миф 2: «Программа „500 дней“ скопирована с западного шокового плана»

Суть мифа

Еще одно распространенное мнение — будто план «500 дней» не содержал ничего оригинального и представлял собой копию западных «шоковых терапий» (например, плана Лешека Бальцеровича в Польше). В зарубежной прессе программу часто называли “shock therapy”

для СССР [8], подчеркивая ее радикальность. Некоторые критики прямо утверждали, что Явлинский и Шаталин переписали польский план быстрого перехода к рынку, а значит, отечественный вариант не учитывал советской специфики [9].

Почему это заблуждение

На самом деле «500 дней» заметно отличались от польской шоковой терапии и других зарубежных рецептов. Григорий Явлинский категорически опровергает версию о «копировании» плана Бальцеровича [9]. Он указывает, что польские реформы 1989–1990 годов (связанные с именем Бальцеровича) концентрировались на либерализации цен и макроэкономической стабилизации, тогда как приватизация в Польше не проходила очень болезненно, ведь там уже существовал частный сектор — например, частное сельское хозяйство [10].

В СССР же ситуация была иная: частных производителей почти не было, экономика монополизирована государством. Поэтому план «500 дней» делал упор сначала на разгосударствление и приватизацию, создание класса частных собственников, и лишь затем — на полную либерализацию цен [11] [12].

Такой поэтапный подход резко отличался от шоковой терапии Гайдара 1992 года (вдохновленной польским опытом), где цены отпустили мгновенно при полном господстве государства в производстве — что вызвало гиперинфляцию [13]. Явлинский приводил простой пример: если сразу отпустить цены, директор молочно-го завода монополист может в один день взвинтить закупочные и отпускные цены так, что «всё разорится», поэтому необходима предварительная демонаполизация и приватизация, иначе резкая либерализация — «авантюра» [14].

Таким образом, «500 дней» не были слепым заимствованием западных шаблонов — это была оригинальная программа, учитывающая реалии распадающейся советской экономики. Зарубежные эксперты впоследствии отмечали, что план Шаталина — Явлинского был куда

более комплексным и постепенным, чем его прозвище «шоковый» подразумевает [10] [11].

Как возник миф

Мнение о «копировании с Запада» возникло отчасти из-за созвучности целей — и польский, и советский планы нацеливались на быстрый демонтаж командной экономики. Западные СМИ в 1990 году сенсационно писали о готовящейся «500-дневной программе шоковой терапии», невольно упрощая и приравнивая ее к польскому опыту. В самом СССР эту мысль продвигали противники реформ, желавшие представить план как чуждый, «внесенный извне» эксперимент. К тому же, в составе группы Шаталина были молодые рыночники (Явлинский, Задорнов и др.), которых ортодоксальные экономисты обвиняли в «монетаристских» уклонах и следовании советам МВФ [15] [16]. Все эти факторы подкрепили миф о «500 днях» как о кальке западной терапии, хотя исторические факты свидетельствуют об обратном — советский план имел самостоятельную концепцию и иной порядок реформ.

Миф 3: «План „500 дней“ и так воплотили реформаторы 1990-х»

Суть мифа

Существует точка зрения, что нереализованный план Шаталина–Явлинского фактически был выполнен позднее командой Ельцина–Гайдара. Иными словами, «шоковая терапия» 1992–1993 годов — это и есть реализация «500 дней», только с опозданием. В поддержку этого утверждения ссылаются на то, что основные элементы программы — либерализация цен, приватизация, отказ от госплана — в итоге все равно произошли в России, пусть и после распада СССР. Более того, экономист Е. Ясин в работе «Реформы по Гайдару. 500 дней спустя» (1993) отмечал, что за первые ~500 дней после 1991 года правительство Гайдара успело осуществить даже больше, чем предусматривал план «500 дней» [17] [18]. Отсюда

рождается миф, что особой разницы не было — мол, результат (рыночная экономика) достигнут, просто позже и другими людьми.

Почему это заблуждение

Несмотря на внешнее сходство целей, методы и последовательность реформ оказались совершенно различными, а это критически важно. Программа «500 дней» предлагала эволюционный, поэтапный переход: сначала создать рыночные институты (собственники, конкуренция, инфраструктура), и лишь затем отпускать цены и проводить глубокую либерализацию [11][12]. В противоположность этому, реформы Гайдара начались с мгновенной либерализации цен (январь 1992), тогда как приватизация и антимонопольные меры запаздывали. Разработчики «500 дней» предупреждали, что такой «шок без подготовки» приведет к тяжелым последствиям. Явлинский вспоминает свой разговор с Егором Гайдаром в конце 1991 года: «Я говорил: „Егор, ты хочешь освободить цены в один день — ты понимаешь, что будет? .. Давай потратим год-полтора, чтобы вывести систему последовательно... То, за что ты взялся, — это авантюра“. Гайдар же ответил: „Ну и что?“ [14]. Этот диалог ярко отражает разницу подходов: план «500 дней» стремился смягчить шок, «приземлить» реформы, тогда как реализация начала 90-х пошла на слом системы силовым способом, ценой гиперинфляции и спада производства [10].

Экономист Леонид Григорьев (участник группы «500 дней») отмечает, что непринятие программы в 1990 году дорого обошлось экономике: реформы стартовали на фоне куда более глубокого кризиса 1991–1992 годов, когда ВВП уже пикировал вниз (–9 % в 1991, –19 % в 1992 г.), поэтому либерализация в таких условиях превратилась в социальный шок [19]. Если бы план начался при более стабильной экономике 1990 года (спад всего –2 %), можно было избежать ряда «шоковых» потрясений — по крайней мере, инфляцию умерить последовательной приватизацией перед отпуском цен [10][11].

Наконец, важно подчеркнуть: план «500 дней» так и не был реализован ни в каком виде, ведь он подразумевал

реформы на уровне всего Союза, согласованные между республиками [1]. Когда же Ельцин объявил, что Россия «будет проводить программу сама, без Союза», это заявление носило чисто политический характер [1] — по сути, начался совсем другой процесс, завершившийся распадом СССР и «шоковой» либерализацией 1992 года.

Таким образом, при всем совпадении конечной цели (переход к рынку), методология и контекст «500 дней» были утрачены, а приоритеты реформ сместились. Утверждать, что гайдаровские меры «фактически реализовали» программу, — значит игнорировать коренные различия в последовательности и последствиях этих шагов.

Как возник миф

Идея эта во многом появилась постфактум, когда результат — рыночная экономика — уже стал реальностью, и разницу подходов начали сглаживать. Некоторым политикам было выгодно заявлять, что «план-то мы выполнили, просто немного иначе», чтобы оправдать болезненные решения. К тому же, ряд экономистов (включая упомянутого Ясина) действительно указали на пересечение наборов реформ за первые 500 дней Гайдара и тезисов программы Шаталина [17] [18]. Однако они же оговаривали и главное отличие: в программе сначала должны были появиться собственники и конкуренция, а уже потом цены пустить на свободу [20] [12].

В массовом же сознании детальные различия быстро стерлись, остался общий нарратив: «раз все равно пришли к рынку — значит, наверное, то же самое сделали». Дополнительную путаницу внес и тот факт, что многие авторы «500 дней» потом участвовали в реформах 90-х (например, А. Вавилов, Б. Федоров, М. Задорнов были в командах Ельцина и правительства РФ). Это создало впечатление преемственности. Но, как метко замечает Григорьев, нереализованные программы остаются на бумаге, а потому их легко идеализировать или смешивать с иными опытами — хотя на деле «500 дней» остались несостоявшимся альтернативным сценарием [2].

Миф 4: «„500 дней“ — попытка спасти социализм и Советский Союз»

Суть мифа

Некоторые интерпретации представляют программу «500 дней» не как рыночную реформу, а как «спасательный круг социализму». С такой точки зрения Явлинский и соавторы будто бы хотели, подобно Китаю, сохранить социалистическую систему, слегка ее обновив, и тем самым не допустить краха СССР. Звучат утверждения, что это была последняя попытка «спасти Советский Союз от распада» через экономические меры — мол, программа намеренно мягко реформировала социализм, чтобы Союз выжил. Подобный миф тиражировался и зарубежными комментаторами, ищущими параллели с китайским путем: дескать, СССР мог реформироваться экономически и уцелеть политически.

Почему это заблуждение

В действительности план «500 дней» ставил перед собой цель, противоположную «спасению» старой экономической модели. Он предусматривал коренную ломку социалистической системы хозяйства, переход к частной собственности и рынку. Как подчеркивал Г. Явлинский, это была уже не косметическая перестройка, а необратимое движение к смене системы [21].

Главная идея программы — гарантированное законом право собственности граждан и предприятий на имущество, кроме стратегического госимущества [22]. Иными словами, план узаконивал частную собственность во всех сферах и запускал широкую приватизацию — шаг, несовместимый с сохранением социалистической модели. Авторы прямо заявляли: необходимо «отнять у государства все, что возможно, и отдать людям», вернуть им значительную часть собственности и ресурсов [23] [24]. Это означало демонтаж огосударственной экономики («богатого государства — бедного народа») и создание новой системы, основанной на свободе выбора и рынке [24] [23].

Да, программа предусматривала заключение нового Экономического союза суверенных республик, то есть

сохранение экономических связей между республиками на конфедеративных началах [25] [26]. Однако речь шла не о спасении старого СССР любой ценой, а о переходе к иной, децентрализованной федерации / конфедерации с рыночной экономикой. Явлинский подчеркивал, что только реальная экономическая самостоятельность республик и людей могла дать шанс избежать хаоса — в рамках нового добровольного союза [21].

Таким образом, «500 дней» пытались спасти не социализм, а страну и ее экономику от катастрофы, причем способом демонтажа социалистических принципов. Советский Союз при успешной реализации программы, вероятно, выглядел бы совсем иначе: вместо командно-административной машины — содружество суверенных государств с рынком. Этот проект, к сожалению, не был доведен до конца, но источники ясно показывают реформаторский, а не консервативный его характер [21] [22].

Как возник миф

Идея о «спасении социализма» во многом появилась как искаженная трактовка благих намерений авторов. Разработчики действительно хотели избежать полного развала экономики и бесконтрольного распада Союза — отсюда родились слухи, что они защищали СССР. Противники справа (радикальные демократы) обвиняли Явлинского в излишней мягкости: мол, хочет консервировать Союз и старую систему, идет «китайским путем» постепенности. В то же время противники слева (коммунисты) парадоксально критиковали программу как «попытку спасти разваливающийся социализм», видимо подразумевая ее компромиссность.

Обе трактовки неверны: план не имел ничего общего с сохранением госплановой экономики. Заблуждение усилилось тем, что Горбачев поначалу поддержал идею подготовки программы — кому-то показалось, будто руководство ищет способ реформировать социализм изнутри. Но, как известно, Горбачев вскоре отказался от «500 дней», испугавшись радикальности предложений [27].

После краха СССР появилось уже противоположное и также упрощенное мнение на Западе: мол, если бы план

приняли, Союз бы не распался. Это скорее контрфактическая гипотеза, чем миф, однако многие представляют дело так, будто программа гарантировала сохранение страны. На самом деле, как мы рассмотрим ниже, даже сами авторы признают, что максимум — распад мог быть более упорядоченным и отложенным во времени, но вряд ли предотвращен полностью [28].

Миф 5: «Принятие „500 дней“ спасло бы СССР и избавило от хаоса 90-х»

Суть мифа

Этот миф во многом родственен предыдущему, но распространен столь широко, что требует отдельного разбора. Согласно ему, если бы план «500 дней» был принят в 1990 году, то Советский Союз не развалился бы, а переход к рынку прошел бы гладко, без тех экономических потрясений, что случились позже. Проще говоря, это убеждение, что программа была панацеей: не допусти политики ее провала — и не было бы ни гиперинфляции, ни шоковой терапии, ни бедствий для населения. В современных дискуссиях нередко звучит сожаление: «Эх, был же шанс в 1990-м сделать все цивилизованно — тогда и Союз, глядишь, уцелел бы...». Подобные суждения питают образ «500 дней» как утраченного спасительного шанса.

Почему это заблуждение

Историки и участники событий более трезво оценивают возможные последствия реализации программы. Даже если бы «500 дней» стартовали, они не смогли бы чудесным образом отменить объективные проблемы — лишь смягчить их. Леонид Григорьев подчеркивает: «Принятие программы страну, конечно, в корне не изменило бы. Она (страна) имеет свою инерцию, и многие вещи были бы похожи» [29]. Экономика СССР все равно переживала структурный кризис, и рыночные реформы неизбежно несли бы социальные издержки. Распад Союза,

скорее всего, все равно произошел бы, хотя, по мнению Григорьева, мог протекать более контролируемо и наступить чуть позже [28].

План «500 дней» предполагал заключение нового союзного договора и экономического соглашения центра с республиками [26], что могло отсрочить «развод республик» и превратить распад в переговорный процесс, а не шок Беловежской пуши [28]. Но политические противоречия между союзными и республиканскими элитами никуда бы не делись — гарантировать сохранение единого государства экономическая программа не могла.

Что касается экономических потрясений, то тут можно уверенно сказать: реформы 1990–1992 годов были бы болезненными при любом сценарии, просто с «500 днями» существовал шанс заранее подготовить почву и избежать самых грубых ошибок (таких как мгновенная либерализация без приватизации, о чем речь шла выше) [13 [11]. Например, по расчетам, если бы реформы начались в 1990 году, спады производства могли быть менее глубокими, а инфляция — менее разорительной [19].

Однако ожидать «безболезненности» тоже наивно: даже Явлинский признавал, что его программа не избавит от всех трудностей, но позволит избежать самых хаотичных сценариев. В итоге, по словам Григорьева, шанс на более «организованный переход к рыночной экономике» действительно был упущен [30][31] — но это не означает, что советские граждане миновали бы все лишения. Просто они, возможно, были бы распределены более равномерно и управляемо во времени.

Как возник миф

Идеализация нереализованного плана — явление вполне понятное. Не случившиеся альтернативы порой кажутся чудодейственными, потому что никто не видел их недостатков на практике. Как метко написал обозреватель, «нереализованные программы оставляют после себя идеализированный миф» [2].

В 1990-е годы, на фоне шоковых реформ и распада страны, образ «упущенных “500 дней”» стал символом

утраченной надежды. Политики разных лагерей эксплуатировали эту тему: одни (умеренные реформаторы) сетовали, что радикализм Гайдара можно было заменить более мягким сценарием Явлинского; другие (ностальгирующие по СССР) уверяли, что план бы спас Союз. Со временем эти аргументы укрепились в массовом сознании. Зарубежные авторы тоже внесли вклад, рассматривая «500 дней» как последнюю возможность эволюционного перехода — отсюда родилась полумифическая картина: если бы Запад и СССР поддержали тот план, не было бы ни экономического краха, ни геополитического развала.

История не знает сослагательного наклонения, но тенденция винить конкретный провал (непринятие программы) за все последующие беды выглядит упрощением. Современные исследования показывают, что причины распада СССР и кризиса 90-х были многофакторными — одними экономическими мерами их не устранить. Тем не менее миф живет, подпитываясь понятным человеческим желанием верить, что катастроф можно было избежать одним правильным решением. Развенчание этого мифа — вопрос зрелого взгляда на историю: план «500 дней» был важной упущенной возможностью, но не волшебной гарантией «жизни как в Швейцарии» ни через 500 дней, ни спустя 30 лет [4] [32].

Источники

Исторические свидетельства, интервью участников и оценки экспертов, использованные в обзоре, подтверждают разоблачение вышеуказанных мифов. В их числе — высказывания Г. Явлинского [3] [21], Л. Григорьева [29] [33], материалы прессы (Lenta.ru, Republic, «Ведомости», «Новая газета») [3] [2] [4], а также анализы экономистов о различиях между программой «500 дней» и шоковыми реформами 90-х [11] [14]. Эти источники рисуют цельную картину: мифы о программе часто рождались из политической борьбы и последующей идеализации, тогда как факты свидетельствуют о реальном содержании и судьбе плана «500 дней».

* * *

- [1] [2] [26] [27] Шубин А. Как не состоялась программа «500 дней» // Ведомости. — 23 августа 2020. — URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/08/23/837480-programma-500> (дата обращения: 20 января 2026).
- [3] [5] [9] [10] [13] [21] [25] Сочнев А. «Для меня Беловежские соглашения с самого начала были неприемлемы»: Григорий Явлинский о том, чем была хороша программа «500 дней» и почему удалась «перестройка» по-горбачевски // Lenta.ru. — 2 апреля 2015. — URL: <https://lenta.ru/articles/2015/04/02/yavlinsky/> (дата обращения: 20 января 2026).
- [4] [32] Самохина С., Щенников А., Бонч-Осмоловская К., Асанова А. Тюрьма на оба ваших дома. Иван Сафронов сидит в СИЗО уже 500 дней. За это время Россия сама стала похожа на колонию // Новая газета. — 19 ноября 2021 (№ 133 от 24 ноября 2021). — URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/19/tiurma-na-oba-vashikh-doma> (дата обращения: 20 января 2026).
- [6] [7] [8] [11] [12] [16] [17] [18] [19] [20] [28] [29] [30] [31] [33] Григорьев Л. М. «Если бы программу „500 дней“ приняли, то Советский Союз распался бы позже»: интервью Н. Дзись-Войнаровского, 27 июля 2010 г.
- [14] Явлинский Г. «Все зависит от масштаба. То, что держал в голове Горбачёв, было нежизнеспособной системой» / интервью И. Копелевича и М. Бергер — BFM.ru, 30 сентября 2016. — URL: <https://www.bfm.ru/news/333593> (дата обращения: 20 января 2026).
- [15] Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. — М.: Издательство «Новости», 1995. — Гл. 18: «Как войти в рынок». — С. 564–587.
- [22] Хохлов Г. Программа «500 дней»: аналитический обзор // onweb.narod.ru. — URL: <https://onweb.narod.ru/ref.htm> (дата обращения: 20.01.2026).
- [23] [24] von Geldern J. 500 Days // Seventeen Moments in Soviet History (архив). — URL: <https://web.archive.org/web/20250720114805/https://soviethistory.msu.edu/1991-2/500-days/> (дата обращения: 20.01.2026).

Акция в поддержку политических и экономических реформ в СССР. Москва, 16 сентября 1990 года. Фото Владимира Федоренко / РИА Новости

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ 2025: РОССИЯ 35 ЛЕТ СПУСТЯ ПОСЛЕ ПРОГРАММЫ «500 ДНЕЙ»

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

В последнее время все более заметным становится жанр альтернативной истории, создаваемой с помощью искусственного интеллекта. Мы смотрим на такие опыты без иллюзий и понимаем их ограничения: ИИ не обладает ни собственным историческим опытом, ни полноценным доступом к серьезным архивам, ни способностью проверять факты так, как это делают профессиональные исследователи. его тексты строятся на распознавании закономерностей в больших массивах уже существующих в интернете текстов и на вероятностном прогнозировании того, что могло бы следовать из заданных условий.

Тем не менее нам показалось важным и интересным включить в сборник к 35-летию программы «500 дней» именно такой эксперимент. Он позволяет задать простой и в то же время принципиальный вопрос: как могла бы выглядеть Россия сегодня, если бы в 1990 году эта программа была принята и последовательно реализована. Представленный ниже текст не претендует на научную точность и не может быть последовательно подтвержден или опровергнут. Скорее это приглашение к размышлению о масштабе упущенных возможностей и о том, насколько значимыми могут быть экономические решения, принимаемые в переломные моменты.

Материал был получен как развернутый ответ искусственного интеллекта на заранее заданные параметры: отправную точку (принятие программы «500 дней» в 1990 году), временной горизонт (2025 год) и круг тем —

экономику, социальную структуру, политические институты, отношения между республиками и внешнюю политику. Текст публикуется без содержательного и стилистического редактирования, в том виде, в каком он был сгенерирован.

Старт реформ в 1990 году: плавный переход вместо шока

Представим, что осенью 1990 года советское руководство утвердило программу «500 дней» и начало ее реализацию. Вместо шоковой терапии и хаотичного распада СССР страна получила бы планомерный переход к рынку. Первые шаги реформ были бы нацелены на избежание гиперинфляции и обесценивания сбережений граждан. В реальности реформы Гайдара 1992 года отпустили цены мгновенно в условиях госмонополии, что вызвало ценовой взрыв (+ 2600 % за год) и фактически конфисковало накопления советских людей.

В нашем сценарии этого удалось бы избежать: «500 дней» предлагали ликвидировать денежный навес цивилизованно — предоставить гражданам возможность потратить рублевые накопления на покупку государственных активов (магазинов, кафе, мастерских, транспорта и т.п.). Тысячи советских семей могли бы вложить свои сбережения в малый бизнес, приобрести торговые точки, предприятия сферы услуг, грузовики, оборудование. Такая масштабная малая приватизация с первых месяцев реформ позволила бы превратить избыточную денежную массу в реальные активы, запустить частное предпринимательство и не допустить гиперинфляции.

Одновременно в течение тех первых «500 дней» создавались бы базовые институты рынка. Разрешение частной собственности, свобода торговли, конкуренция, — все вводилось бы законодательно и постепенно, публично разъясняясь обществу. Авторы программы изначально подчеркивали, что за полтора года невозможно достичь «рая», но можно заложить фундамент для эффективной экономики.

Цены отпускались бы поэтапно, после демополизации снабжения и вхождения на рынок новых производителей. Например, сначала приватизировались бы предприятия торговли и сельского хозяйства, и лишь затем проводилась либерализация цен на продукты — так, чтобы частный сектор смог заполнить полки товарами и конкуренцией сбить первоначальный рост цен. Григорий Явлинский приводил такой пример: в Польше 1990 года реформа Бальцеровича удалась, потому что там были миллионы фермеров — отпустив цены, они наводнили рынок продукцией и быстро стабилизировали стоимость. В СССР же план «500 дней» учитывал отсутствие частных производителей: прежде чем либерализовать цены, требовалось создать самих производителей и разрушить госмонополии.

В результате к середине 1992 года (конец условных 500 дней) в стране уже были бы тысячи новых частных предприятий, действующие рыночные механизмы и конкуренция в большинстве сфер.

Экономический спад первых лет, вероятно, оказался бы гораздо мягче, чем в реальной истории. В действительности промедление с реформами и их хаотичность обернулись обвалом производства: ВВП СССР снизился на 2 % в 1990 году, а затем рухнул еще на 16 % в 1991-м. Начинать преобразования пришлось уже при падении экономики почти на 18 %, что сравнивали с попыткой «менять крылья у самолета, который идет в пике».

Альтернативный сценарий избегает этой ситуации: реформы стартуют, когда спад еще невелик, и не дают ему углубиться. Программа стабилизировала бы экономику уже к 1992 году — ведь последняя фаза «500 дней» так и называлась: «Начало подъема». Вместо продолжения свободного падения (как случилось после 1991-го) мы увидели бы первые признаки оживления. Инфляция, хотя и выросла бы поначалу, не достигла бы астрономических 2600 % за год, как при шоковой терапии. Рубль сохранил бы для людей ценность, а накопления граждан не были бы уничтожены — напротив, превратились бы в капитал для нового среднего класса.

Экономика 1990-х: меньше кризиса — больше среднего класса

Середина 1990-х годов в этой альтернативной реальности выглядела бы куда более благополучно, чем в нашей. К 1995 году рыночные реформы уже прочно вошли в жизнь: малый и средний бизнес пережил первые трудности становления и начал расти.

Главное отличие — структура собственности и распределение богатства. Благодаря реализации «500 дней» в стране появилось много частных собственников с самого начала реформ. Не узкая группа олигархов, а сотни тысяч предпринимателей владели магазинами, сервисными предприятиями, акциями заводов. Ведь приватизация шла не через мошеннические ваучеры или залоговые аукционы, как в реальности, а через прямую продажу активов гражданам за их сбережения.

Конечно, полностью избежать злоупотреблений было бы трудно — вероятно, и в этом сценарии не обошлось бы без попыток директоров и номенклатуры прибрать лучшие куски собственности. Но прозрачный механизм продажи через банки и биржи, поддерживаемый законом, существенно ограничил бы возможности для криминала.

Собственно, массовая ваучерная приватизация, которая на самом деле прошла в 1992–1994 годах, в нашей альтернативе не потребовалась бы вовсе. Государство продавало бы активы поэтапно: сначала малые предприятия — в 1990–1991, затем средние и крупные — в 1992–1993, причем значительная доля акций крупных заводов резервировалась бы для продажи именно внутреннему инвестору — тому самому новому среднему классу, накопившему ресурсы и опыт на малом бизнесе.

Идея программы состояла в том, чтобы именно широкий слой граждан стал владельцем ключевых отраслей, а не узкая группа. Поэтому к концу 90-х мы получили бы в России действительно многочисленный средний класс — экономически самостоятельных людей, определяющих спрос и политику.

Следствием этого стали бы меньшая социальная дифференциация и иные модели поведения элит. В реальной

истории 1990-х Россия пережила взрывное расслоение: на фоне обнищания миллионов возникла олигархия — кучка сверхбогатых, сконцентрировавших в руках сырьевые ресурсы, финансы, СМИ.

Альтернативный ход реформ значительно сгладил бы эти перекосы. Без гиперинфляции не было 34 %-го провала населения за черту бедности к 1992 году, не возникло массовой депрессии и ощущения тотальной несправедливости, которыми была окрашена жизнь в постсоветской России.

Конечно, экономические трудности в 90-е все равно ощущались бы — переход к рынку неизбежно означал рост цен на многие товары, безработицу в неконкурентоспособных отраслях, снижение реальных доходов на время реформ. Но эти процессы шли бы более управляемо и поступательно. Например, высвобождение цен сопровождалось адресной социальной поддержкой: часть средств от приватизации можно было направить на субсидии малоимущим и индексацию зарплат. Запуская рынок, авторы «500 дней» не обещали «жизни как в Швейцарии через полтора года» — этот миф они сами высмеивали. Зато они планировали предотвратить погружение всей страны в бедность.

В нашем сценарии так и произошло: несмотря на инфляцию и реформы, глубокой нищеты начала 90-х удалось избежать, сберегая людской потенциал страны.

Другая важная перемена — сохранение промышленного и научного потенциала, смягчение деиндустриализации. В реальности резкий разрыв хозяйственных связей между бывшими республиками и мгновенная либерализация без капиталов для модернизации привели к массовому закрытию заводов. В 1992–1993 годах целые отрасли советской промышленности просто встали, миллионы рабочих остались без работы, многие предприятия уже не возродились.

Если бы «500 дней» были реализованы, демонтаж плановой экономики прошел бы более цивилизованно. Единое экономическое пространство Союза (или его большей части) сохранилось бы на новых началах, что означало сохранение кооперационных связей между заводами разных республик. Например, российские автомобили

продолжали бы получать комплектующие с украинских и белорусских заводов, и наоборот, пока не наладились новые рыночные цепочки. Это предотвратило бы резкое падение производства по причине разрыва контактов.

Конечно, неэффективные гиганты все равно пришлось бы реструктурировать или закрывать, но это происходило бы постепенно, при поддержке инвесторов или государства, а не методом «шоковой заморозки».

Кроме того, Запад, вероятно, подключился бы к поддержке реформ: в 1990 году на сессии МВФ и Всемирного банка план «500 дней» получил международное признание, обсуждались кредиты на его реализацию. В нашем случае эти договоренности могли воплотиться: западные инвесторы и правительства, воодушевленные цивилизованным курсом Москвы, предоставили бы финансовую помощь молодому рынку. Это позволило бы, например, стабилизировать рубль без драконовского сокращения денежной массы, пополнить потребительский рынок импортными товарами, пока не заработала своя торговля, и смягчить социальные затраты на реформы.

В реальной истории столь масштабного «плана Маршалла» для постсоветской России не случилось — в том числе потому, что к 1992 году страна уже погрузилась в хаос и доверие к ней было подорвано. В альтернативной же 1991–1992 годы инвестиционный климат выглядел бы куда привлекательнее.

К концу десятилетия (около 2000 года) Россия в этой альтернативной реальности подошла бы с окрепшей рыночной экономикой. После 500 дней базовых преобразований продолжалось дальнейшее реформирование — возможно, уже не под единым брендовым названием, но в русле той же стратегии. Рыночная инфраструктура — биржи, коммерческие банки, фондовый рынок, налоговая система — развивалась бы поступательно.

Главное — к 2000 году экономика уже преодолела бы переходный спад и вошла на траекторию роста значительно раньше, чем это случилось на самом деле. Напомним, в действительности ВВП России достиг «дна» лишь в 1996 году, потеряв почти половину от уровня 1990-го,

и лишь к 2003 году вернулся на доперестроечный уровень. Наш более мягкий сценарий позволил бы начать подъем раньше и с меньшей потерей. Например, можно представить, что падение экономики ограничилось бы 15–20 % ВВП в 1990–1992 годы, а уже с 1993–94 годов начался бы рост. Тогда к рубежу веков страна наверстала бы упущенное: объем экономики 2000 года был бы близок к уровню 1990-го, если не превышал его (в реальности он составлял лишь ~60 % от уровня 1990). Следовательно, ко второй половине 2000-х Россия развивалась бы уже поверх прежней советской базы, а не отыгрывала потери.

Стоит отметить, что при всех экономических успехах жизненный уровень населения рос бы постепенно, а не скачкообразно. Программа «500 дней» не сулила мгновенного процветания, ее цель — создать условия для будущего роста. Поэтому в 1990-е доходы граждан, вероятно, оставались бы скромными, хотя и без обвальной бедности. Реальная заработная плата могла поначалу снижаться (как и произошло исторически), безработица временно подняться — но к концу 90-х, с началом экономического подъема, доходы пошли бы вверх устойчиво, а не отскочили после глубокого провала. Люди, сумевшие сохранить сбережения и вложиться в приватизацию, получили бы дивиденды от долей в предприятиях. Те, кто работал в новых частных фирмах, выигрывали от конкуренции работодателей за кадры.

В итоге к 2000 году в стране сформировался бы слой стабильных потребителей — тот самый средний класс, который стал локомотивом экономики. Безусловно, социальное неравенство существовало бы (рынок всегда порождает различия в доходах), но оно не носило бы столь кричащего характера, как при олигархическом капитализме.

Статистика благосостояния в альтернативных 1990-х выглядела бы лучше: не было бы рекордного провала продолжительности жизни (в реальности к 1994 году средняя продолжительность жизни в России упала до 57 лет), не случилось бы столь резкого скачка смертности от алкоголя, преступности и отчаяния. Многие из этих бед прямо связывают с социальным шоком начала 90-х — в нашем же

случае шок смягчен, а значит, меньше людей спились или погибли преждевременно. Демографически Россия могла бы избежать знаменитого «русского креста» 90-х годов: снижение рождаемости и всплеск смертности были бы не столь драматичными. Это означало бы более высокое население страны к 2025 году (в реальности постсоветская депопуляция сократила население РФ примерно с 148,5 млн в 1991-м до 146 млн в 2020-м, а в альтернативе, возможно, удалось бы удержаться ближе к 150 млн за счет лучшей сохранности жизни людей).

Сохранение экономического союза и спокойный распад СССР

Один из ключевых элементов программы «500 дней» — предотвращение хаотичного распада Советского Союза через создание нового экономического союза республик. В нашей истории эту идею реализовать не удалось: политические противоречия между союзным центром (Горбачевым) и республиканскими лидерами (в частности, Ельциным) сорвали план, и в декабре 1991 года в Беловежской пуще СССР был распущен фактически без сохранения единого пространства.

А что в альтернативном сценарии? Здесь можно представить, что новый Союз все же возник, пусть в обновленном виде. Программа «500 дней» предполагала заключение Экономического договора между суверенными республиками — по сути, создание конфедерации с общим рынком, валютой и координацией политики. Такой договор действительно был подготовлен группой Явлинского и даже подписан осенью 1991 года 13 республиками (включая Россию и Украину) в Кремле. В реальности этому документу не суждено было вступить в силу — Беловежские соглашения перечеркнули договоренности. Но если бы «500 дней» шли полным ходом, велика вероятность, что союзный центр и республики сумели бы довести дело до создания полноценного Экономического союза.

Скорее всего, новый Союз носил бы конфедеративный характер. То есть республики стали бы суверенными

государствами, связанными добровольным экономическим соглашением. Общая валюта (рубль) могла сохраниться на переходный период или даже надолго — при условии создания наднационального эмиссионного центра (аналогичного еврозоне).

Возможен сценарий, при котором к 1993–1994 годам часть республик вводит собственные валюты, но действует механизм фиксированных курсов или валютного союза, предотвращающий «войны» курсов и обвальную девальвацию.

Единое таможенное пространство и свобода торговли наверняка были бы сохранены, как и свобода передвижения граждан. Иными словами, на пространстве бывшего СССР возникла бы структура, напоминающая либо Европейский Союз, либо современный Евразийский экономический союз, но созданная сразу после распада коммунистической системы и охватывающая практически все республики.

Важно подчеркнуть: такой плановый распад Союза не означал бы его полного сохранения в прежнем виде — национально-государственные амбиции все равно брали свое. Однако развод республик прошел бы более мирно и организованно. Вероятно, прибалтийские государства все равно настояли бы на выходе (и получили независимость к 1991 году), но это произошло и исторически. Зато оставшиеся 12–13 республик СНГ не разошлись бы мгновенно по разным углам, а выработали бы правила сосуществования.

Политический союз мог быть переформатирован в некую конфедеративную структуру: например, Съезд народных депутатов СССР заменен советом глав суверенных республик, а пост президента Союза (Горбачева) постепенно утратил бы власть по мере делегирования полномочий республикам.

Возможно, к концу 90-х такая конфедерация трансформировалась бы в чисто экономическое сообщество, без общего президента — примерно как Британское Содружество или Европейский Союз, но с оглядкой на постсоветскую специфику. Главное — переход от единого государства к сообществу государств случился бы планово,

через договор, а не через ультиматумы и экономический шантаж, как это было при развале СССР.

Это, в свою очередь, отразилось бы на международных конфликтах и региональной стабильности. Мы можем предположить, что кровопролития начала 90-х удалось бы смягчить или избежать. Например, в нашем мире сразу после распада Союза вспыхнули войны: Приднестровье (1992), Абхазия и Южная Осетия (начало 90-х), Карабах (1988–1994), Таджикистан (гражданская война 1992–1997).

В альтернативном сценарии центральная власть (пусть и конфедеративная) сохраняла бы влияние на ситуацию, постаралась бы не допустить силовых решений. Не факт, что получилось бы предотвратить все конфликты — многие из них тлели еще при СССР. Но, по крайней мере, было больше возможностей для мирного урегулирования под эгидой союзных структур. Например, Карабахский конфликт мог перейти в долгий переговорный формат при посредничестве Союза, не перерастая в полномасштабную войну, пока Армения и Азербайджан остаются экономическими партнерами. Аналогично, Приднестровье, будучи частью экономического пространства с Молдовой и Россией, возможно, получило бы особый статус без войны.

Особого разговора заслуживает Чеченский кризис, который в реальной истории привел к двум войнам (1994–1996 и 1999–2000). Почему он возник? Во многом из-за того, что после распада СССР внутренние автономии РФ решили тоже «выйти» — воспользовавшись слабостью центра. В нашем альтернативном 1992 году Москва не выглядит беспомощной: напротив, продолжение союзных структур и успешные реформы укрепляют авторитет федеральной власти. Возможно, Дудаев не рискнул бы провозгласить полную независимость Ичкерии, а договорился о широкой автономии Чечни внутри обновленной России. Даже если конфликт все же вспыхнул (радикальные настроения никуда не деться), российское руководство имело бы больше ресурсов и легитимности, чтобы сразу пресечь сепаратизм политическими методами — например, посредством переговоров при посредничестве союзных республик или через экономическое давление, не доводя до войны.

Сама атмосфера в стране при успешных реформах была бы менее взрывоопасной: население не столь озлоблено и обнищало, меньше пространства для радикализации. Так что, скорее всего, большого военного противостояния на Северном Кавказе удалось бы избежать, либо оно было бы кратким и локализованным.

Наконец, вопрос: смог бы Советский Союз вообще сохраниться как единое государство при реализации программы? Некоторые полагают, что да — мол, «500 дней» могли спасти СССР от распада. Но трезвый взгляд показывает, что политического распада все равно было не избежать, он лишь стал бы более контролируемым. Экономические меры не всеисильны: народы союзных республик стремились к суверенитету, и даже успешная экономика не удержала бы Прибалтику, Грузию или, вероятно, Украину от желания самостоятельности. Авторы программы впоследствии сами признавали, что максимум, на что можно было рассчитывать, — отложить распад и сделать его цивилизованным.

Наш сценарий это и демонстрирует: Союз трансформируется во что-то вроде конфедерации, существующей на протяжении 1990-х, а потом постепенно распускающейся общие органы (возможно, к началу 2000-х), когда необходимость в них отпадает. При этом экономическая интеграция сохраняется надолго: даже к 2025 году бывшие республики тесно торгуют, между ними безвизовое сообщение, работают наднациональные регулирующие институты. По сути, постсоветское пространство развивается как единый рынок, подобно ЕС, хотя каждая страна политически независима. Такой исход резко отличается от реальности, где многие связи были утрачены, а затем восстановлены лишь частично и на новых условиях.

Политическая эволюция: демократия без отката в авторитаризм

Плавный экономический переход неизбежно повлечет за собой и иную политическую траекторию России.

В нашем мире ранние 1990-е сопровождались острейшим противостоянием между разными ветвями власти и политическими группами — достаточно вспомнить разгон Верховного Совета в октябре 1993 года с танковыми выстрелами по парламенту. Эти конфликты во многом проистекали из хаотичности реформ и падения уровня жизни, которые разочаровали массы и радикализировали элиты. Альтернативный путь «500 дней» дал бы шанс избежать самых острых схваток.

Во-первых, сохранился бы относительный политический консенсус 1990–1991 годов между умеренными реформаторами. Ведь сам факт принятия программы «500 дней» подразумевает, что Михаил Горбачев и Борис Ельцин сумели договориться вместо конфронтации. В реальности осенью 1990-го Горбачев сначала поддержал разработку плана, но затем испугался его радикальности и затормозил, а Ельцин, разочаровавшись, решил «делать реформы в России самостоятельно». Это раскололо реформаторский лагерь.

В альтернативе же предположим, что Горбачев, под международным и внутренним давлением, дал зеленый свет программе, а Ельцин пошел на компромисс ради общего дела. Тогда вместо противоборства центр — Россия мы видим их координацию: Союзный парламент и российский Верховный Совет вместе принимают реформаторские законы, правительства Горбачева и Ельцина действуют синхронно. Такой союз мог продлиться, по крайней мере, до конца переходного периода (500 дней). Конечно, трений совсем бы не избежали — разница интересов центра и республик никуда не делась. Но общая успешная цель (спасти экономику от краха) стимулировала бы стороны сглаживать противоречия, а не воевать публично.

Во-вторых, уменьшилась бы поддержка радикально-коммунистической оппозиции. В реальной России к концу 1992 года реформаторы дискредитировали себя в глазах многих граждан: гиперинфляция, бартер, преступность, невыплата зарплат, — все это создало ностальгию по «старому порядку». Этим воспользовались противники

демократии — от КПРФ до национал-патриотов — раскручивая идею, что рыночные реформы разрушили страну.

В альтернативе, где реформы идут более успешно, у оппонентов было бы меньше козырей. Да, часть консерваторов все равно была бы против перехода к рынку (они и в 1990-м пытались саботировать план). Возможно, они предприняли бы отчаянные шаги — например, попытку путча (аналог ГКЧП). Но судьба такого переворота в условиях реализуемой программы «500 дней», скорее всего, была бы столь же провальной, как и в реальности. Ведь путч 19 августа 1991 года потерпел крах именно потому, что общество уже не желало возврата к старому. В нашем случае, когда изменения идут по плану и вселяют осторожный оптимизм, поддержка путчистов была бы еще ниже.

Демократические силы, напротив, имели бы больший кредит доверия народа, ведь они не обманули ожиданий мгновенного рая, а честно ведут тяжелую работу, принося результаты без катастрофы. Вероятно, после провала возможного путча позиции армии и КГБ в политике ослабли бы, а реформаторы получили бы мандат довести дело до конца.

В результате к середине 1990-х Россия подошла бы со стабильной демократической системой. Конституционный кризис 1993 года (вооруженное противостояние президента и парламента) в нашем сценарии можно было бы предотвратить. Исторически этот кризис произошел из-за непримиримых разногласий вокруг темпов приватизации, полномочий президента и соцполитики — на фоне экономического коллапса. При успешной реализации «500 дней» таких экстремальных разногласий не возникло бы.

Вероятно, новая конституция все равно понадобилась бы (советская конституция 1977 года устарела), но ее приняли бы более согласованно. Возможно, Российская Федерация осталась бы парламентско-президентской республикой, без избыточной концентрации власти у одного лица. Борис Ельцин, пользующийся успехами реформ, мог бы спокойно выиграть выборы 1996 года без скандалов и «черного пиара» — или даже уйти на покой, передав эстафету новому поколению лидеров-реформаторов.

Показательно, что в реальности на выборах 1996 года Ельцин едва не проиграл коммунисту Зюганову, и удержать власть ему помогла поддержка олигархов и СМИ, купленная за обещания. Это стало поворотным пунктом к олигархическому режиму конца 90-х. В альтернативной России, где коммунисты не набрали бы столько популярности (ведь реформы не довели народ до полного отчаяния), демократические силы победили бы честно, без закулисных сделок. Это значительно повысило бы легитимность власти в глазах общества.

Отсутствие всевластия олигархов и сильный средний класс — фундамент для более зрелой демократии 2000-х годов. В реальной истории Россия к рубежу веков пришла с подорванными демократическими институтами: общество устало от лихолетья и было готово променять свободы на «сильную руку». Именно поэтому в 2000 годы так легко утвердился курс на авторитарную «вертикаль власти». В альтернативном случае запрос на диктатуру не был бы столь массовым. Граждане, пережившие реформы без унижительной бедности, более ценили бы свои новые экономические свободы и имущество, а значит, активнее требовали бы защиты своих прав.

Свободная пресса, независимый парламент и суды могли сохраниться без «закручивания гаек» нулевых.

Конечно, Россия все равно столкнулась бы с вызовами — коррупция, региональные амбиции, перестройка силовых структур. Но при работающем механизме сдержек и противовесов (и поддержке Запада) эти проблемы решались бы постепенно в правовом поле.

Можно предположить, что на 2000-е годы пришелся бы расцвет многопартийности: наряду с реформаторскими центристами (условно, партией Явлинского или его соратников) укрепились бы и умеренно-левые, и право-либеральные силы — все, однако, принимающие базовые правила игры рынка и демократии.

Итак, в 2025 году политическая система России — это устоявшаяся демократия с чередованием партий у власти, свободными выборами и реальным разделением властей. Возможен сценарий, при котором президентский пост не

концентрирует чрезмерной власти, а премьер-министр и парламент играют ключевую роль в управлении (похожая модель существует, например, в современном развитом мире). Не произошло бы «огосударствления» СМИ и экономики, которое мы наблюдали в 2000-е при Путине.

Кстати, о Владимире Путине: в реальной истории взлет этого политика был во многом обусловлен запросом на порядок после беспорядочных 90-х, а также поддержкой олигархических групп. В более благополучной альтернативе такой запрос был слабее. Возможно, Путин остался бы малоизвестным чиновником регионального уровня, а на авансцену вышли бы другие лидеры. Например, среди ключевых фигур могли оказаться сами авторы «500 дней»: Григорий Явлинский, Алексей Михайлов, Михаил Задорнов, Евгений Ясин, Леонид Григорьев и др. В реальности многие из них отошли в тень после 1991 года, а тут их вклад признан — они могли сделать политическую карьеру.

Не исключено, что к 2020-м одна из партий, сформированных на базе той «команды реформ», регулярно побеждала бы на выборах, конкурируя с другими. При этом силовые структуры (армия, спецслужбы) не имели бы доминирующего положения, оставаясь под гражданским контролем.

Конечно, история не бывает идеально прямолинейной. Даже в этой альтернативной демократической России могли случаться кризисы и скандалы — например, коррупционные разоблачения, отставки правительств, громкие судебные процессы. Но подобные события не ломали бы саму основу системы. Сильное гражданское общество, появившийся к 2000-м независимый средний класс не позволили бы свернуть с пути демократии.

Россия осталась бы страной с конкурентной политикой и сменяемой властью. Возможно, сегодня — в 2025 году — президентский пост занимал бы уже условно четвертый или пятый по счету лидер за постсоветские годы, избранный на свободных выборах. Вместо конституционных правок под продление полномочий (как было у Путина) мы бы видели норму, когда президенты отработали свой срок и уходят, передавая власть преемникам, выбранным

народом. Такова была бы политическая культура, заложенная еще в 90-е без отката в авторитаризм.

Международное положение: партнер вместо изоляции

Плавная трансформация экономики и демократизация неизбежно отразились бы на внешней политике и позиции России в мире. В альтернативном сценарии постсоветская Россия и ее соседи не пережили той степени геополитических потрясений, что выпали на нашу реальность. Условно говоря, к 2025 году Россия была бы не изгоем под санкциями, а важнейшим экономическим партнером Европы и Азии, интегрированным в мировые структуры.

Во-первых, успешное проведение «500 дней» изначально предполагало тесное сотрудничество с западными странами. Ведь программа создавалась в духе времени «конца холодной войны», при активной поддержке западных экспертов.

Если бы СССР/Россия выполнили свои обещания реформ, то и Запад, скорее всего, выполнил бы свои — открытие рынков, инвестиции, технологическая помощь. Вступление России во Всемирную торговую организацию могло состояться уже в 1990-е (в реальности это затянулось до 2012 года). Иностранные компании активно пришли бы на российский рынок: не только нефтяные гиганты, но и автопроизводители, электронные корпорации, банки.

К 2025 году Россия превратилась бы в один из крупных узлов глобальной экономики, где западные и азиатские фирмы имеют значительное присутствие, а местный бизнес успешно конкурирует за рубежом. Важнейший показатель — диверсификация экспорта. Исторически доля нефти и газа в экспорте РФ превышала 50 %, что делало страну уязвимой к сырьевым «качелям». Альтернативная стратегия, основанная на раннем развитии обрабатывающих отраслей и малого бизнеса, позволила бы значительно увеличить долю несырьевых товаров: машиностроения,

химии, сельхозпродукции, услуг. Россия могла бы стать крупным экспортером не только энергоносителей, но и, скажем, металлургического оборудования, программного обеспечения, инженерных услуг — благо советский научно-технический потенциал не был утрачен в 90-е, а преумножен.

Во-вторых, отношения с ближайшими соседями — бывшими республиками СССР — сложились бы по модели взаимовыгодного партнерства без диктата. К 2025 году, вероятно, существовала бы экономическая конфедерация (назовем ее условно Содружество экономического сотрудничества), куда входили бы Россия, Беларусь, Казахстан, и возможно Украина с другими странами, решившими не разрывать связи. Эта структура обеспечивала бы беспопышную торговлю, свободное перемещение рабочей силы и согласование внешнеторговой политики.

При этом политически каждое государство шло своим курсом. Украина, например, развивала бы демократию и евроинтеграцию, но без конфронтации с Москвой: зачем ссориться, если Россия — не империалистический реваншист, а нормальный либеральный сосед? В реальности отношения России и Украины испортились во многом из-за авторитарного разворота РФ и имперских амбиций Кремля.

В нашей же альтернативе таких мотивов меньше: Россия довольна своими границами и занята развитием, а не восстановлением империи. Поэтому ни в 2014-м, ни в 2022-м не произошли бы трагедии войны. Крым, скорее всего, оставался бы украинским (возможно, с арендой российской базы в Севастополе на долгосрочных условиях), вопрос о его аннексии просто не встал бы. Донбасский конфликт тем более не вспыхнул бы — без внешнего вмешательства он бы не возник. В целом восточноевропейский регион был бы стабильнее и безопаснее.

Следует отметить, что и расширение НАТО на восток шло бы в иных условиях. В нашей реальности вступление восточноевропейских стран в НАТО (конец 1990-х — 2000-е) происходило на фоне слабости России и опасений

соседей перед ней. Альтернативная Россия — демократическая и предсказуемая — не давала бы поводов бояться. Возможно, те же Польша и страны Балтии все равно вошли бы в НАТО (по инерции исторического выбора), но вопрос Украины и Грузии не стоял бы так остро.

Вероятно, Россия сама выстроила бы новые архитектуры безопасности с Европой, не противопоставляя себя ей. Не исключено, что возникла бы всеобъемлющая зона свободной торговли от Лиссабона до Владивостока — о которой мечтали некоторые визионеры. К 2025 году Россия могла даже рассматриваться в перспективе как кандидат на ассоциацию с Евросоюзом (пусть не членство, но глубокое партнерство), учитывая ее успехи в экономике и верховенстве закона.

На дальнем зарубежье Россия укрепила бы статус влиятельной региональной державы и конструктивного глобального игрока. Она по-прежнему была бы постоянным членом Совбеза ООН, участвовала бы во всех G8/G20, Всемирном банке, МВФ с весомым словом. Но, в отличие от путинского периода, российская внешняя политика не скатилась бы в конфронтационность. Скорее, она напоминала бы поведение, например, Канады или Франции — твердое отстаивание своих интересов, но в рамках международного права и союзнических отношений.

Санкции, технологическая изоляция, «железный занавес 2.0» — всего этого не возникло бы, поскольку не было бы ни украинского кризиса, ни вмешательства в выборы других стран, ни других агрессивных действий, вызванных авторитарными замашками. Разумеется, конкуренция с Западом существовала бы (спору о торговле, о влиянии на постсоветских партнеров и т. д.), но решалась она дипломатически.

К 2025 году Россия, вероятно, продолжала бы тесно сотрудничать и с Китаем, и с Евросоюзом, выступая мостом между Востоком и Западом — роль, о которой часто говорят, но которая требует высокого доверия. В нашем случае доверие было бы, ведь Россия зарекомендовала себя еще с 90-х как предсказуемый партнер, ставящий развитие выше геополитических авантюр.

Россия-2025: портрет страны в улучшенном сценарии

Итак, попробуем обобщить, как выглядела бы Российская Федерация в 2025 году, если бы 35 лет назад была реализована программа «500 дней». Перед нами страна, прошедшая через трудный, но результативный переход от социализма к капитализму без катастрофических провалов.

Экономически это одна из крупнейших экономик мира, крепко стоящая на рыночных основах. Ее ВВП (валовой продукт) заметно выше, чем в нашей реальности, благодаря устойчивому росту с середины 90-х. Можно предположить, что экономика России в альтернативе минимум в 1,5 раза превосходит нынешнюю реальную по объему, а ВВП на душу населения приблизился бы к уровню, скажем, Испании или Италии.

В стране развит частный сектор во всех отраслях: от сельского хозяйства (давно не опирающегося на неэффективные колхозы) до высоких технологий. Многие советские наработки нашли коммерческое воплощение — скажем, российская электроника или авиация смогли интегрироваться в мировой рынок вместо того, чтобы влачить жалкое существование под санкциями.

Инновационный климат гораздо более благоприятный: в 90-е не произошло «утечки мозгов» в таких масштабах, научные кадры сохранились и нашли применение дома, привлечено много зарубежных инвестиций в НИОКР. В результате к 2025 году Россия известна не только как экспортер сырья, но и как производитель конкурентной промышленной и наукоемкой продукции.

Социально страна более благополучна. Уровень жизни населения существенно вырос за 35 лет, причем вырос равномернее. Если в реальности значительная часть благосостояния сконцентрирована у узкой группы, то здесь средний класс составляет хребет общества. Согласно альтернативной статистике, возможно, 50–60 % граждан относятся к среднему классу по доходам (против ~20–30 % в реальности, в зависимости от методов оценки).

Бедность снижена до единичных процентов: благодаря продуманной социальной политике в переходные годы, не возникло прослойки хронически бедных, как это случилось после шоковой терапии. Пенсионеры и бюджетники не были брошены на произвол судьбы — их доходы индексировались в 90-е, и сейчас они живут достойно.

К 2025 году средняя продолжительность жизни уверенно превышает 75 лет и близка к показателям развитых стран (в реальности РФ только-только вышла на ~73 года перед пандемией). Это результат как лучшей медицины (реформированной без развала советской системы здравоохранения), так и более здорового образа жизни населения — ведь не было столь массового алкоголизма и стресса в 90-е, подрывавших здоровье целого поколения.

Политически Россия — устоявшаяся демократия. Возможно, она напоминает по устройству, скажем, Германию или Францию: конкурентные выборы, несколько влиятельных партий в парламенте, свободная пресса. Власть регулярно сменяется на выборах, права оппозиции уважаются. Отношения между центром и регионами отрегулированы на основе федерализма: еще в 90-е удался переход к новому Федеративному договору, поэтому не было ни чеченской войны, ни парада суверенитетов. Регионы широким фронтом включились в рыночную экономику, привлекали инвестиции — и сейчас уровень развития выровнен (конечно, Москва и Петербург все равно богаче провинции, но разрыв не такой драматичный). Коррупция не исчезла совсем — это вечная проблема — но она не системообразующий элемент, как при олигархическом авторитаризме. Работают независимые суды, бизнес защищен от произвола, собственность священна (эти принципы заложены еще «500 днями»). Олигархов как класса нет — крупный капитал представлен корпорациями с прозрачной структурой и акционерами, а не полукриминальными олигархическими группами. Государственные компании если и сохранились в стратегических секторах (типа «Газпрома»), то управляются профессионально и подотчетны общественности, а не служат кормушкой для приближенных.

Россия — уважаемый член мирового сообщества. Она не под санкциями, напротив — интегрирована во все ключевые международные организации. Возможно, она даже вступила в ОЭСР (клуб развитых экономик) еще в 2000-е, и ее показатели по правам собственности, инвестиционному климату соответствуют передовым стандартам. У страны отличные отношения с соседями: с Евросоюзом действует соглашение о теснейшей торговле и безвизовом режиме, с Китаем — стратегическое экономическое партнерство без перекоса (Россия не «младший сырьевой партнер», а равноправный игрок с диверсифицированной экономикой).

Военных конфликтов на постсоветском пространстве нет: тлеющие проблемы либо были решены компромиссами, либо заморожены цивилизованно. Российские войска не участвуют ни в каких агрессиях, поэтому и НАТО не наращивает вооружения у границ РФ. В таких условиях вопрос о новой холодной войне или о гонке вооружений к 2025 году просто не стоит.

Подводя итог, можно сказать, что реализация «500 дней» дала бы России шанс пройти путь трансформации гораздо менее травматично и прийти к 2025 году более богатой, свободной и стабильной страной.

Конечно, не стоит идеализировать: даже в этой альтернативной истории были бы свои сложности, ошибки и кризисы. Но масштаб катастроф 90-х удалось бы существенно снизить, а многие потерянные возможности — реализовать. Как метко заметил экономист Леонид Григорьев, нереализованные программы обретают ореол мифа.

Мы представили, каким мог быть мифический «упущенный шанс» — и видим: это не сказка о моментальном процветании, а картина упорного, постепенного движения вперед. Возможно, Россия в таком варианте была бы менее громкой на мировой арене, но куда более преуспевающей и счастливой для своих граждан. 35 лет спустя после 1990 года страна могла отмечать юбилей «500 дней» как юбилей собственной новой жизни — жизни без катастроф, в свободе и достатке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тридцать пять лет назад нашей стране был предоставлен шанс, открылось окно возможностей для позитивных перемен. Однако шансом не воспользовались. Отказ от собственной экономической программы, слепое следование западным рекомендациям, неподходящим для российских реалий, и, как результат, реализация ошибочных реформ в начале 1990-х годов с криминальной приватизацией впоследствии, — все это вместе задало трагическое направление движения постсоветской России. В итоге мы оказались в авторитарном государстве без независимой судебной системы, без свободных и честных выборов, без реального парламента, без независимой и свободной прессы, без прав и свобод человека, да еще и в состоянии жесткого вооруженного конфликта с бывшей союзной республикой и ближайшим соседом, и, по сути, со всем западным миром.

В этих крайне тяжелых, экстремальных условиях партия «ЯБЛОКО», одним из руководителей которой остается ее создатель Григорий Явлинский, продолжает работу, отстаивая принципиальную позицию о необходимости немедленного подписания соглашения о прекращении огня в боевых действиях между Россией и Украиной и сохранения жизней людей.

История конца XX века и в особенности политический опыт последних десятилетий века нынешнего подтверждают, что исключение человека из целеполагания политики ведет к катастрофам. Только политика, в центре которой стоит человек, его жизнь, его свобода, его права и достоинство, а именно это и было главным смыслом

публикуемого пакета экономических программ, является залогом безопасного и благополучного будущего.

В какой-то момент в нашей стране снова откроется окно возможностей — для перемен, для формирования новой современной и благополучной России. История показывает, что смысл будущего не в территориях, не в объемах добываемых нефти и газа и не в количестве дальнобойных ракет. Во всех реформах, а тем более в реформах середины XXI века, главное — это человек и его положение в государстве. Все государственные структуры и механизмы, все информационные технологии и искусственный интеллект должны быть подчинены и служить интересам человека. Смысл будущего — в свободной, достойной и безопасной жизни людей.

И важно помнить, что бюрократический и демагогический отказ от эффективных и профессиональных реформ, как это случилось в начале 1990-х годов, недопустим, поскольку вновь приведет страну к катастрофе.

Окно возможностей обязательно откроется. И к этому моменту нужно быть готовыми как содержательно, так и политически. В том числе и для этого нужна партия «ЯБЛОКО». Потому что кроме программ и стратегий потребуется еще политическая сила, которая будет реализовывать эти проекты. Это то, чего не хватило 35 лет назад. И это один из ключевых политических уроков отказа от пакета программ «500 дней» и провала российских экономических реформ конца XX века.

Наше общество в результате многолетнего господства тоталитарной социально-политической системы оказалось в состоянии глубокого кризиса. Нерешительность правительства, допущенные им просчеты в экономической политике поставили страну на грань катастрофы. Жизнь людей становится все труднее, а надежды на лучшее будущее утрачиваются. Переломить ситуацию могут только хорошо продуманные и энергичные действия, поддержанные народом, опирающиеся на его солидарность и патриотизм. У нашего общества накоплен большой негативный опыт экономических реформ, с которыми люди связывают теперь лишь изменения к худшему в своей жизни. Жизнь, к сожалению, научила их с большей готовностью верить в плохое, чем в хорошее. Реализация предлагаемой программы должна опровергнуть этот печальный опыт.

Человек. Свобода. Рынок

Газета «Известия», 4 сентября 1990 года

Экономической программы недостаточно. Нужна политика. Какая бы замечательная ни была программа, если просто отдать ее кому-то на исполнение — ничего не выйдет. Программа — это как ноты, но без музыкального инструмента. Инструментом является политика. Сыграна может быть любая мелодия — это уже зависит от того, какие ноты. Но ноты без инструмента не работают. Если вы отдаете свою программу тому, кто не умеет играть, не имеет музыкального слуха, — ничего не получится. Поэтому нужна политическая партия будущего.

Интервью Григория Явлинского

К 35-летию программы «500 дней», осень 2025 года

